

16+

Илья
ПО ПРИНУЖДЕНИЮ
АННА ШВАРЦ

Анна Шварц

Няня по принуждению

«Автор»

2020

Шварц А.

Няня по принуждению / А. Шварц — «Автор», 2020

— Рит, это что? — обмирает муж, глядя на ребенка, — тебе на работе детей мало, ты решила домой принести?— Вов, помолчи, а? Нашла я его. Чуть на дорогу не выбежал, его мать бросила и записку в рюкзак пихнула вместе со свидетельством. В дверь внезапно раздаётся звонок. Муж открывает ее, и замираю в ужасе. Через порог квартиры перешагивает страшный человек. Незнакомец будто заполняет собой прихожую. Огромный, как хищный зверь, с тёмными волосами и тёмной бородой. А затем в прихожую заходят ещё двое, и я холодею, прижимая к себе малыша, а сердце стучит, как ненормальное. — Сбежала от меня, тварь? — низким и холодным голосом произносит он, и у меня внутри все обрывается.

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	7
Глава 3	9
Глава 4	11
Глава 5	12
Глава 6	13
Глава 7	15
Глава 8	17
Глава 9	19
Глава 10	22
Глава 11	25
Глава 12	27
Глава 13	29
Глава 14	32
Глава 15	34
Глава 16	37
Глава 17	39
Глава 18	43
Глава 19	45
Глава 20	48
Глава 21	51
Конец ознакомительного фрагмента.	52

Анна Шварц

Няня по принуждению

Глава 1

Мне кажется, что мир сошел с ума. В ушах звучит какофония звуков – истошный плач ребенка, шум шоссе, по которому пролетают мимо нас машины... еще и полицейский что-то орет мне перед лицом.

Я не могу ничего ответить. Меня трясет так, что я боюсь выронить с рук малыша, лет двух на вид, который рыдает в голос, уткнувшись мне в плечо. Трясет от того, что я успела его поймать буквально за секунду, когда он уже хотел шагнуть на шоссе.

– Вы меня вообще слышите? Дамочка?

– Мне двадцать пять, – отмираю я, возмущенно посмотрев на полицейского, – какая я дамочка?

– Я рад, – криво усмехается он, окинув меня и ребенка взглядом, – не объясните мне, почему ребенок ходит один, в темноте, возле шоссе? А если бы он под машину попал? Вы что за мать вообще?

– Я не мать. Это не мой ребенок, – растерянно вырывается у меня и брови мужчины удивленно ползут вверх.

– Чего?

– Я этого ребенка сама увидела случайно. С работы шла – смотрю, бежит один... а взрослых вокруг нет.

– Офигеть, – выдает полицейский, оборачивается и жестом подзывает напарника. Тот нехотя отрывает свой зад от сиденья в машине и выходит наружу, лениво направляясь к нам, – Миш, тут потеряшка. Дамочка утверждает, что не ее ребенок.

Тот хмуро смотрит на меня, а я, наконец, смотрю на притихшего ребенка, который молча жмется ко мне. Темные волосы, короткая стрижка под мальчика, а одет легко – в одну футболку и штанишки с кедами, несмотря на то, что лето только-только настало и ночью еще прохладно. Маленькие ручки покрыты мурашками, да и судя по холодной коже он заметно продрог.

Что ж за мать у него такая? Как можно было потерять такого кроху? Его пока только за ручку и водить, ни на шаг от себя не отпуская. Страшно представить, что случилось бы, задержись я на работе чуть дольше, или если б пошла другой дорогой.

– Подожди, малыш, – произношу я, и ставлю ребенка на ножки. Он снова начинает хныкать, скулсившись, а я быстро снимаю с себя ветровку, и накидываю ему на плечи, закутывая.

– Погодите-ка, – произносит полицейский, – у него рюкзак за спиной. Может, проверите? Вдруг там какие документы.

– Расстегивайте, проверяйте. Я ребенка грею, не видите, что ли? – я запахиваю поплотнее куртку, чтобы малыш скорее согрелся, а полицейский со вздохом задирает ее подол сзади и с тихим “вжих” расстегивает молнию маленького рюкзака, – все, не переживай, – я глажу ребенка по голове и вытираю слезы с лица, – ты не один, видишь, дяди сейчас тебе помогут? Только не плачь, они хорошие. Сейчас найдут твоих родителей.

Я успокаиваю малыша и смотрю, как полицейский достает из рюкзака зеленую бумажку, сложенную вчетверо, разворачивает ее, и на асфальт планирует маленький белый листочек с кривыми буквами, будто подросток писал.

Я успеваю подхватить его, прежде чем он упал бы в лужу, и читаю.

“Верните ребенка отцу – мне нечем его кормить. Меня не ищите. Все равно не найдете”.

– Блин, – в голосе полицейского сквозит неподдельное изумление, – Мих, прикинь! Амира, кажется, сын-то! – он пихает свидетельство о рождении под нос напарнику и тот хмурится.

– Однофамилец, может.

– А отчество? Ребенку два, как и его мелкому. Ты прикинь, сколько он нам отвалит, если мы скажем, что его сына спасли!

– Ну, не знаю, – с сомнением произносит он, и они оба смотрят на меня.

– Слушайте, девушка, вы подождете, если мы один звоночек сделаем?

– Вы совсем ку-ку? Ребенок замерз, а вы предлагаете ему на улице еще поторчать? Нет, – отрезаю я, – оформляйте, давайте. Мы в отделение с вами поедem, там, хотя бы, тепло. А если не хотите – тогда я его домой к себе отведу и искупаю. Можете мой паспорт взять.

– А давайте! – радостно предлагает полицейский, который, видимо, уже начинает подсчитывать, на что потратит вознаграждение от этого Алима? Амира? Какая разница. Я достаю из кармана паспорт, отдаю его полицейскому, и подхватываю мальчишку на руки.

– По адресу прописки живете?

– Да, – отвечаю я, глядя, как мужчина листает мой паспорт.

– Замужем? Муж-то не удивится, если с ребенком придете? – хмыкает он, а я неожиданно начинаю злиться.

– Этот вопрос сильно важен? Не беспокойтесь, ребенка на улицу я не выкину. Хорошего вам вечера и постарайтесь поскорее найти папу малыша.

– Паспорт заберите, девушка, – произносит полицейский, доставая смартфон и делая фото.

Я забираю свободной рукой протянутый документ, разворачиваюсь и иду к дому – слава богу, что до него мне остается всего ничего.

– Ты только не бойся, малыш, – успокаиваю я ребенка, который доверчиво жметсЯ ко мне, но смотрит так жалобно, что мне самой хочется заплакать. Я работаю в роддоме, и не раз видела малышей, от которых отказывались их биологические мамы. Сердце просто кровью обливалось – такие крохотные, только пришли в этот мир и уже не нужны человеку, который должен был стать самым важным для них в жизни.

Но еще страшнее, когда мама была, а тут вдруг ее нет, и ты ей оказываешься не нужен. Какая-то незнакомая тетЯ несет тебя неизвестно куда, но у тебя нет выхода, потому что без нее опаснее и страшнее.

Я открываю дверь квартиры без звонка, и захожу в прихожую. И сразу же сталкиваюсь с мужем.

Глава 2

– Рит, это что? – обмирает он, глядя на ребенка, – тебе на работе детей мало, ты решила домой принести?

– Вов, помолчи, а? Нашла я его. Чуть на дорогу не выбежал, его мать бросила и записку в рюкзак пихнула вместе со свидетельством. Сейчас полиция отца найдет, он его заберет, – произношу я, разуваясь.

– Рит, ты точно больная. Оставила бы его ментам, сами разобрались. А если папаня не придет? С чего ты взяла, что он ему нужен, а? – я в ответ на реплики мужа закатываю глаза, раздеваю ребенка и иду с ним в ванну, чтобы смыть с ручек и личика грязь, а Вова плетется за мной, – ты меня вообще слушаешь? Я вообще-то не готов к детям. От слова “совсем”. Тем более, к непонятно чьим.

– Иди в задницу, ладно?! – не выдерживаю я, – уйди с глаз моих! Тебе не стыдно такое говорить?!

– Не стыдно, когда жена все за тебя решает, не спросив. Чтоб ребенка я через час не видел, Рита. Веди его в полицию.

Я пораженно смотрю на него.

– Ты крышей поехал, Володя? Я вроде не за морального урода замуж выходила. Он тебе что, котенок?

– Я все сказал, – отрезает он, – у него есть родители. Он – их забота.

И уходит. Потрясающе. Я в шоке принимаюсь мыть ручки и личико малышу, пока он хмуро рассматривает все вокруг, а потом потихоньку оживляется, не давая мне погрузиться в отвратительные мысли о правильности брака с Володей. Черта с два я поведу сейчас ребенка в ночь в полицию. Малыш и без того настрадался, чтобы он еще сидел в одиночестве с незнакомыми дядьками? Ко мне он хоть привыкать начал.

Я дотрагиваюсь рукой до штанишек и понимаю, что они насквозь мокрые. Снимаю их, и вижу полный памперс.

– Боже, бедняжка, – я скрываю с него этот килограммовый комок, который он таскал на себе и помогаю малышу забраться в ванну. Водные процедуры растягиваются на все полчаса, и пока я мою ребёнка, то слышу, как из комнаты доносится звуки какой-то очередной компьютерной стрельбки. До этого меня не раздражало хобби мужа, но сегодня я испытываю ярость и мне хочется его убить.

В дверь внезапно раздаётся звонок.

– Рита, открой, – кричит муж, – за ребёнком наверняка пришли.

– Сам открой! Я его в полотенце хоть заверну.

Володя, тихо ругнувшись, шаркает тапками к входной двери. Я накидываю на малыша полотенце, заворачиваю его, доверчиво тянущего ко мне ручки, и забираю из ванны.

– Вот и твой папа, наверное, пришёл, – тихо шепчу ему я, – сейчас он тебя заберёт, и все будет хорошо, вот увидишь.

Я выхожу в коридор в тот момент, когда муж открывает дверь, и замираю в ужасе.

Через порог квартиры перешагивает страшный человек. Мне казалось, что Володя высокий и атлетически сложен, но на фоне этого мужчины он кажется просто тростинкой. Незнакомец будто заполняет собой прихожую. Огромный, как хищный зверь, с тёмными волосами и тёмной бородой. До меня доносится запах дорогого одеколона, тяжёлого и мужского. А затем в прихожую заходят ещё двое, и я холодею, прижимая к себе малыша, а сердце стучит, как ненормальное.

– А вы к кому? – неожиданно тихим голосом спрашивает муж, пятясь в комнату. Трое не обращают на него никакого внимания, будто бы и нет его. Зато самый главный – не знаю,

почему мне кажется, что он их главарь! – просто жжёт меня взглядом, в котором стремительно разливается тёмная ярость.

Он делает шаг ко мне и я вся сжимаюсь. Наверное, это какие-то бандиты. Наверное, они просто что-то перепутали! Страшнее всего мне за малыша, поэтому я пытаюсь закрыть его руками, отодвигаясь от огромного человека рядом со мной.

– Сбежала от меня, тварь? – низким и холодным голосом произносит он, и у меня внутри все обрывается, – удивительно, как долго тебе удалось скрываться.

– Что? – растерянно произношу я, потому что совсем ничего не понимаю. От кого я сбежала? Я впервые его вижу! Он меня с кем-то путает! Ужасно то, что язык становится ватным от яростного взгляда незнакомца, и я не могу вымолвить ни одного оправдательного слова.

– Ребёнка отдай, – звучит тихий приказ, а я вздрагиваю и в панике мотаю головой.

Я обязана защитить малыша. Пусть даже сама пострадаю!

Глава 3

– Паспорт для начала покажите, – предлагаю я тихо, – если это ваш ребенок и вы за ним пришли.

– Я пришел не только за ним, но и за тобой, дрянь, – отвечает холодно мужчина. В этот момент малыш поворачивает голову, смотрит удивленно на этого огромного бородача и, сморщившись, начинает отчаянно реветь.

– Да он же вас не узнает. Вы кто такой? Я полицию сейчас вызову, – бормочу я, пятась, и врзаясь спиной в стену коридора. Кажется, все плохо. Кто же они? Киднеперы? Узнали, что у меня чужой ребенок и решили украсть, пока отца не нашли? А я им для чего?

Муж бледнеет, продолжая тихо пятиться в комнату, и главный переводит на него взгляд. Потом криво усмехается.

– Это твой любовник? Переломайте ему ноги и вышвырните вон.

– Эй, подождите, погодите, – трусливо бормочет Вова, когда два амбала хватают его за плечи, – я ничего не делал. Вы же из-за ребенка? Забирайте его и уходите. Рит, отдай им ребенка! Ты что стоишь?

– Это мой муж, – вырывается у меня, – вы чего? Пожалуйста, объясните, что происходит.

– Муж? – переспрашивает с хриплым смехом главарь, – верю. Паспорт твой настоящий у меня, Мирослава. Вышла замуж по новым документам? Только тебя это не спасет. Я твой муж. Пока ты жива, – он прибавляет меня к земле мрачным, тяжелым взглядом, и я понимаю, что он не шутит. Он не шутит, но тут явно какая-то путаница, – и тебя спасает только то, что ты держишь на руках нашего ребенка.

Боже, что происходит? Я попала в какой-то страшный и дурацкий сон, где жуткий незнакомец говорит, что я его жена и найденный малыш – наш общий ребенок.

– Меня Рита зовут. Вы ошиблись... пожалуйста, отпустите Вову.

– Еще слово, и я твоему любовнику не только руки сломаю, но и шею сверну. Собирайся и спускайся.

– Рит, делай, что они говорят, – слышу я испуганный голос мужа, и молнией бросаю в его сторону взгляд. Он бледный и трясется. Мне больно и страшно, что он говорит такие вещи, но в душе вспыхивает ярко надежда – ну, точно! Он просто позвонит в полицию, как только они уйдут. Опишет, как выглядели, может, из окна номера машины подсмотрит. Просто Володя умный, и не станет лезть на рожон к противнику, который сильнее его в несколько раз.

– Хорошо, – тихо произношу я, боясь поднять глаза на бородастого монстра, – только малыш в полотенце. Простынет. Его нужно одеть.

– Ты сядешь с ним в машину, Мирослава, – слышу я злую усмешку, – не верю своим ушам. Начала думать о ребенке?

– Я не Мирослава, – устало говорю я, и иду мимо мужчины к выходу. Мне кажется, будто я своим телом разрезаю воздух, который вокруг него стал неожиданно тяжелым и горячим. Сердце бьется так, будто я увидела не человека, а чудовище из кошмаров. Может, так оно и есть.

Мой паспорт у меня в сумочке. Надеюсь, что я смогу достучаться до этих людей, доказать, что они меня с кем-то путают.

Когда я выхожу, то оглядываюсь на секунду и вижу, что двое остаются с мужем. Чувствую, как кулак упирается в спину, и вздрагиваю.

– А Володя? Отпустите его!

Бесполезно. Монстр молчит, и мне приходится покорно спускаться по лестнице. Я закутываю поплотнее в полотенце притихшего малыша, накидываю край ему на мокрые волосы,

чтобы его не продуло. Прижимаю к себе, и мы выходим на улицу. Возле подъезда припаркованы три машины – черные, огромные и дорогие.

– Пожалуйста, объясните мне, что вообще происходит, – пытаюсь достучаться до своего похитителя, когда сажусь в машину, в просторный салон. Мужчина садится рядом и кивает водителю. Я вижу отсюда только бритый затылок, – вы называете меня Мирославой, но я Рита. Маргарита, – я сажаю малыша в детское кресло и пристегиваю его, – вот, смотрите, у меня есть паспорт. Можете проверить его по базе. У меня еще дома и карта из поликлиники и куча детских фоток.

Мужчина неожиданно что-то показывает рукой водителю, и между ним и нами поднимается в салоне перегородка. Я нервно сглатываю.

Он выдирает паспорт из моих рук, раскрывает его, листает и нехорошо усмехается. А потом он с треском его рвет напополам.

– Что вы делаете! Как я без паспорта буду!

– Покойнику документы не нужны, – голос моего похитителя холоден и я в ужасе отодвигаюсь от него. Сползаю со скрипом по кожаному сиденью, – ты сбежала, дрянь. Вместе с ребенком. Изменила мне, – его глаза опасно темнеют, – позор свой смоешь кровью. Твой любовник тоже. Чем касался тебя – того и лишится сегодня.

– Нет, нет, – шепчу я, холодея, – куда вы меня везете? Нет трогайте меня и Вову, пожалуйста. Вы ошиблись, вы правда ошиблись, я не Мирослава, я Маргарита, – я начинаю плакать, потому что он равнодушно отворачивается от меня, сказав эти страшные слова.

Словно я абсолютно пустое место. Не человек. Я надеюсь только на одно – что у меня получится сбежать. Когда-нибудь он должен потерять бдительность. Я не хочу умирать.

Глава 4

– Пожалуйста, отпустите меня, – предпринимаю я еще одну попытку уговорить похитителя, когда машина тормозит. Из-за тонировки на стеклах я не вижу ничего. За окном полная темнота. – я найду любые доказательства, что я не та, за кого вы меня принимаете.

Малыш тихо сопит в детском кресле, заснув – похоже, он пережил огромный стресс.

Неожиданно на моем запястье смыкаются пальцы, и я, вздрогнув, смотрю на мужчину. Он сжимает до боли – грубо и сильно. Мелькает глупая мысль – могут ли эти руки дарить не боль, а быть ласковыми? Незнакомая мне Мирослава ведь была замужем за этим человеком – неужели он всегда был таким? Неужели она вышла за чудовище? Господи, о чем я думаю, меня убить хотят, а я о каких-то руках... конечно, он монстр. Разве сбегает от хорошего мужчины, да еще и вместе с ребенком, разве станет нормальный мужчина убивать за измену?

Он вытаскивает меня наружу, открыв дверь, и я падаю на мокрые, холодные листья. Темнота и холод обступают на меня со всех сторон.

Ну вот, Рита. Тут и закончится твоя глупая жизнь. В лесу. Он просто не слушает тебя, ему наплевать. Даже не станет искать доказательства. Похожа – и точка.

В тишине раздается щелчок, и я зажмуриваюсь. Сейчас будет выстрел, надеюсь, это не больно и все быстро закончится. Жалко только что никто даже не узнает, что случилось со мной. Закопают меня тут и все.

– Рассказывай. Кто тебе помог сбежать?

– Никто. Я не сбегала. Я не Мирослава.

– Упертая, – тихо смеется мужчина. Я поднимаю голову и встречаюсь с его взглядом. Глупость, но мне кажется, что он горит в темноте, как у дикого зверя.

– Упертая, потому что не виновата, – тихо произношу я, – можете меня пытаться, можете что угодно делать – но мне нечего вам сказать. Если бы вы меня послушали, я бы смогла показать вам доказательства...

– Пытать? – он снова смеется, – тебя, женщину? А выдержишь?

– Не знаю, – со всхлипом выдыхаю я.

– К тебе мерзко даже прикасаться. Ты еще и ребенка потащила по любовникам. Чтобы прикрыться им от меня, как живым щитом, если я тебя найду. Окунула его в эту грязь. Если бы подольше побегала бы – кого из мужиков представила бы ему, как отца? Можешь молчать. Я знаю, насколько ты лживая, – он поднимает оружие, я закрываю лицо руками, понимая, что мне конец, но неожиданно открывается дверь машины и я слышу громкий рев малыша.

– Амир, простите, – слышу я голос мужчины, – я пытался его успокоить, но у него сейчас истерика начнется. Рев так, что синеет и захлебывается. Боится меня.

Бедный малыш, за что же на тебя столько всего свалилось? Я отрешенно отмечаю, что монстра зовут Амир – именно это имя произнесли полицейские. Действительно его ребенок, не обманывал. Значит те ребята позвонили ему, он приехал к нам с Вовой домой, увидел меня и подумал, что я его сбежавшая жена. Господи, какое глупое совпадение, что даже не верится.

– Последи за ней. Если что – стреляй. – бросает мой похититель и уходит к машине. Я осторожно оглядываюсь и встречаюсь взглядом с лысым мужиком. Он качает головой.

– Даже не вздумайте бежать.

– Но у вас нет оружия, – шепчу я, глядя на его руки. Пустые. Это мой шанс. Поднимайся, Рита, найди в себе силы!

Лысый вздергивает удивленно белесые брови, а я срываюсь с места, и бегу прямо в темноту.

Глава 5

– Стой! – кричит лысый.

Мой побег заканчивается позорно. Я слышу тяжелые шаги за спиной, спотыкаюсь, падаю, и боль вспыхивает в запястьях и ладони. Вскрикиваю, сажусь и щупаю руку. Пальцы натыкаются на неровные края раны, и теплую жидкость, стекающую по коже.

– Ай-яй-яй, – в панике пишу я, потому что понимаю, что напоролась на что-то, падая, и разодрала сильно руку. Очень сильно.

– Поднимайся, – слышу я рык, и издаю обреченный стон, потому что это ОН. Мой похититель и личный кошмар. Как же, как же, далеко ты убежала, Рита.... Он вздергивает меня за шкурку и ставит на ноги. Боже, ну он и огромный. Я стою почти вплотную к нему и едва достаю до плеча, – в машину иди. Ребенка успокой.

– Вы не будете меня убивать?

Он хватается за плечи и встряхивает меня, как куклу.

– Ты еще спрашиваешь?! Я бы с удовольствием покончил бы с тобой навсегда. Сегодня, – тихо произносит Амир, – сын не видел меня полгода. Ты от меня полгода скрывалась, дрянь. Он меня не узнаёт.

Он отпускает меня, оттолкнув, и брезгливо отряхивает руки. Будто бы я действительно какая-то грязная.

– Ты вернешься в мой дом, Мирослава. Будешь жить до тех пор, пока сын не привыкнет ко мне снова, – бросает он, и кивает вперед, – двигайся.

Жить дома у этого чудовища! Я послушно разворачиваюсь, и, пошатываясь, иду обратно к машине. Кровь капает с пальцев, а коленка отзывается тупой ноющей болью – видимо, я неудачно упала на нее.

“Это лучше, чем умереть” – убеждаю я себя, – “у меня есть время. Позвоню мужу, друзьям, кому угодно, лишь бы они смогли прислать доказательства того, что я непричастна ко всему этому. Только бы Вове ничего не сделали...”

Амир вталкивает меня в машину, я падаю на заднее сиденье под рев малыша. Он замечает меня, и, всхлипнув, тянет ручки. Бедняжка плакал, едва ли не заикаясь. Я обнимаю его здоровой рукой, и наклоняюсь, целую в щечку. Пусть он не мой, но я умею успокаивать детей, к тому же, судя по всему, я невероятно похожа на его мать.

Я стараюсь не обращать внимание на монстра рядом со мной, пока мы куда-то едем, но чувствую между лопаток тяжелый, почти физически ощутимый взгляд. За окном начинают мелькать огни города. Когда машина тормозит, дверь открывается и мой похититель уходит, то я могу впервые вздохнуть полной грудью. Рядом с ним даже дышать кажется опасным.

Он возвращается спустя десять минут. В машине снова поднимается с тихим шорохом перегородка, а я холодею, услышав небрежный приказ:

– Раздевайся, Мирослава. Снимай эти мерзкие шмотки.

Глава 6

– Нет! Вы с ума сошли?

В голове проносятся вереницей тысяча мыслей. Кажется, меня еще и изнасилуют, и судя по всему, избежать этой участи я не смогу, потому что ему просто плевать на мои мольбы. Рука снова отзывается болью, неприятной и дергающей, когда я поворачиваюсь к моему похитителю. Сжимаю зубы, чтобы не застонать. Опускаю взгляд вниз – все леггинсы в крови. Как, так много?

Я переворачиваю руку запястьем вверх и мурашки бегут по спине. Вот это я упала...

– Я сказал – раздевайся. Я не люблю повторять по второму разу.

– Тогда я лучше умру, чем позволю так с собой обращаться, – яростно вскидываю я подбородок, – вы ко мне не притронетесь.

– Ты уверена? – он усмехается. Нет, я уже вообще ни в чем не уверена, больше всего мне хочется заплакать, свернуться в клубочек и чтобы все исчезло. В меня неожиданно летит что – то черное и шуршащее, и я на автомате это ловлю. Потом растерянно сжимаю в руках.

– Это что?

– Твои вещи. В таком виде ты в дом не войдешь, – произносит он и я выдыхаю. Боже, ложная тревога. Пока меня трогать никто не собирался.

– Чем вам не нравится моя одежда?

– Ты слишком много болтаешь, – он сощуривает горящие черным огнем глаза, и я закусываю губу, мечтая стать невидимкой, – и заставляешь меня повторять.

– Хорошо. Я поняла, – быстро произношу я, потому что сталь в его голосе становится острее, и злит человека, у которого есть самое настоящее оружие, я не хочу, – я переоденусь. Отвернитесь, пожалуйста.

– Ты вообще слышишь, что МНЕ говоришь? – обрушивается на меня полный удушающей ярости голос, а я вздрагиваю. Черт с ним! Представлю, что я просто на приеме у доктора. Постараюсь. Он же не будет меня трогать? Как я надеюсь на это.

Я раскрываю пакет, и растерянно вытаскиваю длинное, золотого цвета платье. Красивое, что дух захватывает. Я такие никогда не носила. Конечно, по сравнению с ним моя одежда выглядит просто дешевым мусором.

– Я испачкаю... – мой голос звучит глухо, когда я поднимаю на Амира глаза, – я руку поранила. Там кровь, а платье красивое...

Он бросает быстрый взгляд на мое запястье, но суровая маска на лице не меняется. Ни один мускул не дернулся. А что я ожидала от этого монстра? Жалости? Как с ним вообще бедная Мирослава жила? Если бы мой муж увидел, как я разодрала запястье – я бы уже давно лежала бы в постели, а он прыгал бы вокруг с перекисью в руках. Этот, мне кажется, скорее добьет, чтобы не мучилась. Животное.

– Плевать. Надевай, – следует неизменно холодный приказ, а я закрываю глаза, проклиная его, и снимаю с себя футболку. Не хочу видеть, как он на меня смотрит, – и это тоже снимай!

– Что?...

– Белье снимай.

– Прекратите! – вскрикиваю я, обнимая себя руками, – зачем вы заставляете меня это делать? Вам мало унижений? Я уже согласилась надеть платье! Чем вам белье не нравится?!

– Ты еще спрашиваешь? – слышу я рык, и сильная рука хватается меня за шею, перекрывая воздух, рывком притягивает ближе к этому зверю, – хочешь прийти в мой дом в тряпках, которые купил твой любовник?

– Я сама... сама купила...

– Мам... – слышу я позади жалобный голос ребенка, и Амир неожиданно разжимает пальцы. Я открываю глаза. Мужчина смотрит на малыша, и в его взгляде я впервые замечая что – то человеческое. Из него пропадает холод.

– Одевайся, – сквозь зубы рычит он, отстраняясь, и я спешно надеваю на себя платье, пока он снова не передумал и не разозлился из – за белья. Прохладная ткань платья обнимает мое тело. Рукав из легкого кружева я умудрилась все же запачкать алым. На плече тоже пятнышки— задела рану, пока в спешке просовывала руку.

– Зайдешь в дом – и сразу же избавишься от этих тряпок. Я проверю. Слышала меня?

– Слышала, – глухо произношу я.

Тиран. Безжалостный, холодный, грубый и бездушный. Я уверена, что проверит, да еще и самым унижительным образом. И ничего его уже не остановит. Малыш едва борется со сном – его придется уложить спать, да и не могу же я, в самом деле прикрываться ребенком?

Я неожиданно вспоминаю про телефон в сумке и надеюсь, что у меня получится его достать, как только чудовище потеряет бдительность, и позвонить в полицию. Просто один звонок и я спасена. У меня есть интернет. Я могу узнать, где нахожусь, сказать им точный адрес.

Машина неожиданно останавливается. Я облизываю пересохшие от страха губы и смотрю за окно. Как же болит рука... кажется, будто в нее ввинчивается раскаленный гвоздь. Мне нужно еще немного потерпеть, еще немного побыть сильной. Потом я просто забуду этот день, как страшный сон. Лишь бы они с Вовой ничего страшного не сделали. Мне надо поторопиться.

– Выходи, – произносит Амир, – Приехали.

Глава 7

Я тянусь к малышу, чтобы осторожно расстегнуть его и взять из автокресла, но Амир сжимает грубо мой локоть, открывает дверь машины и заставляет выйти вслед за ним.

– Ребенок... – пытаюсь напомнить ему я. Пальцы неожиданно смыкаются на моем подбородке. Мой похититель заставляет меня поднять голову и посмотреть ему в глаза, и я тихо ойкаю. Его близость давит – в нем слишком многое кажется пугающим. Даже, наверное, запах одеколona я запомню на всю жизнь и буду избегать мужчин, которые пользуются таким же.

– Пойдешь сейчас к себе, ни с кем не разговаривая, и покорно опустив голову, ясно тебе? Будешь препираться с прислугой – накажу. С кем-то остановишься поговорить – накажу. Снимешь все вещи, в которых приехала и выбросишь. И сразу пойдешь в ванную.

“Издевается” – думаю я, слушая спокойный и ледяной тон, и стараюсь дышать неглубоко, чтобы не чувствовать этого монстра, – “Накажу, накажу! Как с ребенком. Бедная Мирослава. Наверное, он ее еще и поколачивал. Так приказывать живому, взрослому человеку – это же ненормально. Тиран”.

– Поняла, – коротко отвечаю я.

С удовольствием пойду в ванную, достану телефон и сдам этого садиста полиции.

Рядом раздаются быстрые шаги и Амир отпускает меня, отстраняясь.

– Вперед, – приказывает он, кивнув в сторону. Я, стиснув зубы, опускаю голову и иду по широкой дороге, выложенной брусчаткой. Краем глаза замечая мелькнувший рядом подол темного платья – я разминулась с какой-то женщиной.

– Доброй вам ночи, – слышу я тихий голос позади.

– Забери ребенка из машины и уложи его спать. Не разбуди.

– Поняла вас. Будет сделано.

Какая покорность... Ладно, прислуга, хотя бы, деньги за нее получает. Можно хоть чечетку выплясывать, если хозяину охота. А платят тут наверняка неплохо. Тут же целый дворец, а по двору можно на велосипеде спокойно кататься. Боже, сколько денег сюда вложено!

Я пораженно рассматриваю аккуратно стриженную траву, огромный бассейн, вода в котором мерцает загадочными отблесками, сад, который утопает в цветущих кустах роз, и жемчужину всего этого великолепия – огромный особняк в два этажа. Кто вообще этот Амир? Чем он зарабатывает на такую роскошную жизнь?

И тем не менее, его жена с удовольствием сбежала из этой золотой клетки.

Я поднимаюсь по ступенькам особняка и толкаю дверь ладонью, зашипев от боли – совсем позабыла о ране на руке. Захожу внутрь, вдыхая тонкий запах незнакомых цветов – тут даже пахнет дорого, и слышу тихий “ах” и звон.

Я поднимаю взгляд. На меня пораженно смотрит женщина. Волосы у нее спрятаны под платок, а темное платье скрывает очертания фигуры. На вид ей лет пятьдесят.

– Вы вернулись... – тихо произносит она. У ног женщины лежат осколки вазы.

– Где тут туалет? – спрашиваю я, зажимая ладонью рану, которая снова намокает. Мне все равно, что эта женщина обо мне подумает. Я заблужусь в этом огромном доме.

Она приняла меня за Мирославу. Как и Амир. Неужели мы настолько похожи?

– Вы забыли?

– Да, забыла, – спокойно говорю я, а женщина странно смотрит на меня. Мне кажется, что на мгновение у нее во взгляде мелькает злоба. Будто бы еще секунда – и она рассмеется, а потом скажет мне что-то мерзкое.

– Я запомню, где Ваша спальня. Там есть ванная комната.

Иду за ней я, как в тумане. Сердце ускоряет бег, кровь сильно бьется в венах, с каждым шагом, который я делаю к своей свободе. Даже мраморный пол расплывается под ногами, а

потом я моргаю и понимаю, что мысленно я уже не здесь, а где-то далеко за стенами этой шикарной тюрьмы.

В комнату Мирославы я забегаю, не слушая, что мне говорит эта женщина и закрываю дверь.

– Господи-и... – отчаянно вырывается у меня, когда я прислоняюсь спиной к прохладной двери и выдыхаю, – пожалуйста, пусть этот день хотя бы закончится хорошо.

Я открываю сумочку, запускаю в нее руку и роюсь. Холод пробегает по плечам. Телефон... где мой телефон!? Нет, нет, он же был там! Я переворачиваю сумку, вытряхиваю ее. На пол со стуком выпадает смартфон, а у меня вырывается истеричный смешок. Еще не хватало разбить его. В шаге от свободы.

Пальцы плохо слушаются и дрожат, пока я вожу ими по экрану и набираю номер полиции. Пожалуйста, быстрее... гудки кажутся бесконечными. Мне кажется, что я начинаю проваливаться в какое-то темное и душное болото, и размеренное “ту-у-у” превращается в звон в ушах.

– ... говорите, слушаю вас!

– Меня похитили, – тихо говорю я, понимая, что вот-вот упаду в обморок, – и удерживают силой.

– Где вы находитесь?

Вот я ду-ура. Я закрываю лицо ладонью, чувствуя, как вот-вот расплачусь. Почему я забыла посмотреть, где я сейчас?

– Я не... не знаю. Я не видела, куда меня привезли. Давайте я перезвоню, – я отхожу от двери, хотя ноги становятся ватными, и приближаюсь к окну, отдергивая штору. За ним сад и зелень. Ничего, что мне могло бы подсказать, где я.

– Пожалуйста, не кладите трубку. Вы сейчас находитесь одна?

– Да, я...пока одна. Я могу посмотреть по интернету, где я сейчас и сказать вам адрес. Я сейчас перезвоню...

Я слишком поздно понимаю, что кто-то стоит за спиной. В тот момент, когда из моей руки грубо вырывают телефон и швыряют его в сторону. Рывком разворачивают меня, и я встречаюсь с темным и яростным взглядом Амира.

Глава 8

– Не трогайте меня, – произношу я тихо, пока сердце испуганной птичкой трепыхается в груди, – я уже позвонила в полицию. И сказала, где я. Если вы не тронете меня – я обещаю, что... ничего им не скажу.

Мне кажется, что он усмехается – этот монстр, который в полутьме кажется еще ужаснее. Он берет маленькую сумочку, которая висит у меня на плече и срывает ее, небрежно отшвыривая в сторону.

– Снимай все вещи.

– Нет.

И откуда только взялась твердость в моем голосе? Я блефовала, когда сказала, что полиция знает, где я нахожусь. Неужели сама поверила в свою ложь?

– Нет?

Амир сжимает мое плечо и тащит в сторону одной из дверей. Открывает ее пинком, включает свет, и заталкивает меня внутрь ванной комнаты. Он подходит к большому джакузи, включает воду, пока я стою, нервно кусая губы и рассматривая его. Может быть, схватить вот тот стеклянный флакон и напасть на него, пока он стоит ко мне спиной? Ударить, открыть окно, перелезть через забор и сбежать?

Нет, не выйдет. Я, наверное, даже не смогу его ударить достаточно сильно. Он снял уже куртку, оставшись в черной футболке, и я могу рассмотреть огромные бугры мышц, которые двигаются под кожей, когда он наклоняется, чтобы проверить воду рукой.

Он мне просто шею свернет, не особо напрягаясь, вот и всё.

– Что вы делаете? – испуганно спрашиваю я, когда он возвращается ко мне, берет за локоть и подводит к джакузи, – я же... я одетая! Ай!

Он берет меня под мышки, будто я щенок, и просто ставит меня в воду. В платье. В кедах. Я пораженно открываю рот, пытаюсь что-то сказать вразумительное. Псих.

– Нет так нет, Мирослава, – произносит Амир, и в его низком и холодном голосе скользит ирония, – можешь мыться в одежде. Садись в воду. Целиком.

– Вы сумасшедший, – произношу я, не решаясь больше спорить и опускаюсь в воду. Она горячая, но терпеть можно. Кожа быстро краснеет и вверх поднимается пар, – можно я обувь, хотя бы, сниму и воду поменяю? Она грязная.

– Меняй. Снимай.

Я снимаю с ног абсолютно мокрые кеды и сбрасываю их за бортик ванны, ощущая себя героиней какого-то сюрреалистичного сна. Спускаю из джакузи воду, молча наблюдая, как она быстро уходит, споласкиваю от песка дно и ставлю наливаясь чистой водой. После поднимаю на Амира взгляд. Он по-прежнему наблюдает за мной, сложив мощные руки на груди.

– Вы так и будете смотреть? Я не разденусь при вас, вы меня пугаете. А если тронете – закричу.

– Долго еще будешь изображать из себя черт знает кого? – похоже, ему на мои слова плевать, потому что он остается спокойным, – мне на хрен не нужно трогать гулящую девку, по недоразумению называющуюся моей женой.

– Тогда уйдите. Я сделаю, как вы сказали – разденусь, выброшу все вещи и искупаюсь, – я предпринимаю еще одну попытку нащупать в этом монстре человечность, договориться с ним, и протягиваю руку запястьем вверх, – принесите мне лучше бинты и перекись. У меня рука болит, смотрите. Все уже прилипло, я не смогу снять платье. Только если с кожей.

Ну вот, Рита, уже пытаешься договориться с похитителем? Амир опускает взгляд вниз, рассматривая рукав платья, залитый запекшейся кровью.

– Или вызовите врача, – уже менее решительнее произношу я, когда он берет меня за запястье. С него станется просто отломать мне руку, чтобы не беспокоила. Нет руки – нет проблемы. В его лапище мое запястье кажется тонкой, бледной веточкой.

Он погружает мою руку в горячую воду, и я нервно сглатываю, глядя в его жестокие темные глаза.

– У меня сейчас снова кровь пойдет...

– Врач не приедет. Посторонние люди к тебе не зайдут, – перебивает он меня, – прислуге запрещено к тебе приближаться и разговаривать. Если не хочешь, чтобы наказание понесли невинные – и тебе не советую пытаться с ними заговорить.

– Я что, буду сидеть взаперти?

– Да, – Амир вытаскивает мою руку и неожиданно разрывает с треском рукав до самого локтя. Сердце в страхе ёкает. Господи, как он легко это сделал.

– И что со мной будет потом? – тихо спрашиваю я, глядя, как с руки падают в воду алые капли, окрашивая ее розовым, – если я буду вести себя тихо и слушаться – вы меня выслушаете?

Амир выпрямляется. Неужели, правда уйдет? Пожалуйста.

– Вряд ли я тебя хочу выслушать, Мирослава. Но я посмотрю на твое поведение.

Он разворачивается и уходит из ванны, хлопнув дверью.

Глава 9

Я смываю горячей водой запекшуюся кровь с руки, и рану перестает неприятно дергать. Надеюсь, я не добегалась до заражения крови. Все-таки, непонятно обо что я разодрала в темноте руку – вроде это была коряга, а там черт ее знает...

Сколько я не прислушиваюсь – но из комнаты не доносится ни звука. Либо Амир все-таки, совсем ушел и любезно оставил меня одну, чтобы я спокойно привела себя в порядок, либо просто тихо поджидает. Я снимаю с себя мокрое насквозь платье, бросаю на пол, и, глядя, как оно золотом растекается по темному кафелю, внезапно понимаю, что у меня нет сухой одежды.

И что мне делать?... Выйти из ванны и порыться в шкафах Мирославы? А если там действительно Амир?

– Бред какой-то, – тихо говорю я сама себе. Может, это какой-то розыгрыш и меня сейчас снимают скрытой камерой? Просто в голове не укладывается, как человек может быть таким непробиваемым. Нормальный постарается разобраться, этот же будто специально игнорирует все мои мольбы прислушаться.

И он меня пугает до мурашек. Он взял и выдернул меня из мира, где я напрягалась, когда Володя просто повышал голос. Этот не кричит, нет... он просто успел показать за эти полчаса совершенно другой мир, где мое мнение вообще ничего не значит. Нет, хуже. Тут человеческая жизнь ничего не стоит. Я до сих пор не знаю, что с Вовой. С языка не раз был готов сорваться вопрос “Что с моим мужем”, но разум подсказывал мне, что этого спрашивать не стоит, чтобы не сделать еще хуже.

Я еще раз прислушиваюсь, и осторожно снимаю нижнее белье – сначала бюстгалтер, потом леггинсы, которые я оставила, когда надевала платье, а потом и трусы. Быстро споласкиваю от крови и грязи, выхожу из ванны, и беру с полочки белый халат. Он пахнет чем-то незнакомым. Не просто стиральным порошком, а чем-то тонким, приятным, похожим на ваниль.

Дверь открывается, а я вскрикиваю, прижав халат к обнаженному телу, когда вижу, что в ванную заходит Амир.

– Я не одета, – пытаюсь сообщить я, пятясь назад, но Амир берет меня за локоть и просто сажает на белый пуф, выпихнув его ногой на середину ванной комнаты. Моя попа с противным звуком прилипает к кожаной обивке. О Боже.

– Руку дай сюда.

– Я голая. Можно мне одеться?

Он прожигает меня темным взглядом, и я затыкаюсь. Пинком отправляет еще один пуф ко мне, бросает на него что-то, и садится на корточки рядом со мной. От этого у меня начинает испуганно биться сердце. Лучше бы он по-прежнему смотрел на меня сверху вниз. Почему-то так казалось безопаснее. Я подбираю ноги, чтобы отодвинуться от него, и пытаюсь закрыться получше халатом, но то, что я по факту совершенно обнаженная рядом с ним, заставляет меня сгорать от стыда и страха.

Потом только я замечаю, что он положил на пуф, и от лица отливает кровь.

– Что вы хотите делать?

– Ты не видишь? – Амир с щелчком надевает стерильную перчатку, – руку давай сюда, ты вообще меня слушаешь? Зашивать буду.

– Само заживет! Не надо! – я испуганно уворачиваюсь, когда он пытается взять меня за запястье, и упираюсь ему в бедро ногой, пытаюсь отпихнуть подальше, – не вздумайте!

– Мирослава! – рычит он, а я мотаю головой.

– Нет! Я сама. У меня есть медицинское образование. Не уверена, что оно есть у вас.

– Тебя что, связать? – он перехватывает мою руку и жестко ее фиксирует, и сколько бы я не рвалась, не трепыхалась, как птичка в силках – не отпускает.

– Вы меня хотели убить! А теперь пытаетесь позаботиться? Я вам не доверяю!

– Ты тупая? – интересуется он, и я удивленно смотрю на него. Амир держит меня за предплечье, и сидит так близко от меня, что я запоздало снова вспоминаю – я голая! Голая! Меня прикрывает только халат и то не полностью! И замираю, задержав дыхание, – долго будешь еще притворяться? Ты пока в моем доме, и пока еще моя жена. Бросить тебя подышать от кровотечения?

– Вы странный, – вырывается у меня, – если уж я ваша жена, то, может, выслушаете меня? Я имею на это право.

Он изгибает темную бровь, и я слышу смешок.

– Нет. Я не хочу тебя слушать.

– Скажите, что вы сделали с... с Володей, – я запинаюсь, едва не сказав “с моим мужем”, но взгляд Амира все равно опасно мрачнеет, – и я разрешу вам зашить мою руку.

– Ты мне условия ставишь?

– Нет... не совсем.

– Еще один вопрос о твоём любовнике – и я его убью.

Я замолкаю. Амир еще несколько секунд сверлит меня взглядом, а потом опускает его и переворачивает мою руку запястьем вверх. Я зажмуриваюсь, молясь, чтобы после его манипуляций мне не пришлось вообще её отрезать.

“Еще один вопрос о твоём любовнике – и я его убью”. Все, что мне удалось узнать о Володе – то, что он жив.

Открываю я глаза, когда Амир, промыв рану, опрыскивает ее чем-то прохладным. Удивленно смотрю на флакончик, и понимаю, что он меня обезболил. Потрясающе.

– Ай, – вырывается у меня, когда мужчина принимается накладывать швы, – могли бы и подождать минутку.

Он бросает на меня быстрый взгляд, но ничего не отвечает. Я невольно рассматриваю его, пытаясь отвлечься от неприятного жжения в руке. А он не противный. Не урод. Мне такие не нравятся, но, наверное, другие женщины легко на него клюют – внешность у него грубая, мужественная. Еще и фантастически богат, судя по особняку, следит за собой – посещает, наверное, тренажерный зал. Или занимается борьбой. Такие мышцы не появятся просто так. Даже если в генетической лотерее повезло.

Я рассматриваю аккуратно подстриженную темную бороду, скольжу взглядом по губам – не полным, не тонким, в меру красивым. Рассматриваю прямой нос с тонким, белым шрамом на переносице и внезапно вздрагиваю, пересекаясь с Амиром взглядами. Он смотрит на меня пристально, и я тоже не могу отвести от страха взгляд. Боже, я так откровенно пялилась на него, что он подумает?

“Да ничего” – мелькает в голове мысль, – “он считает тебя своей женой!”

Ну да, точно.

– В постель иди, – приказывает он, снимая перчатки, а я вздрагиваю, посмотрев на руку. Заштопал меня он почти что профессионально.

– С вами? – вырывается у меня вопрос. Не удивлюсь, если скажет “да. Ты все еще моя жена. Будешь выполнять свои супружеские обязанности”. Тогда я, наверное, точно умру. Володе смотреть в глаза не смогу потом. Если вообще выживу после этого зверя.

Но Амир швыряет перчатки на пол, и молча уходит из ванной комнаты, громко хлопнув дверью. Снова.

Я выхожу спустя несколько минут, справившись со страхом, который будто обнимает меня костлявыми, холодными руками, когда я думаю о том, что Амир может ждать меня там. Медленно открываю дверь и только потом поднимаю взгляд.

Комната пуста.

– Господи, – вырывается у меня вздох, – спасибо.

Удивительно, как человек может быстро смириться с плохой ситуацией, если ему грозит что-то похуже. Потому что я залезаю под большое одеяло со странным облегчением, и меня даже не особо волнует, что я сегодня сплю в чужом доме и в чужой постели.

Глава 10

Утром меня будит громкий стук в дверь. Я подскакиваю, даже не продрав как следует глаза, запахиваю халат, который развязался за ночь, и бегу к двери. Глупая мысль появляется в голове – может быть, это полиция приехала? Этот жуткий зверь не стал бы стучать.

Я открываю дверь и удивлённо смотрю на маленький столик. На нем стоят тарелки с едой и чашка с кофе, над которой поднимается ароматный дымок.

Это мне? Похоже на то. Оставили на пороге, как будто я прокаженная. Есть мне ни капли не хочется. Я с грохотом закрываю дверь, секунду раздумываю, возвращаюсь и беру кофе. Пить хочется ужасно, ещё и голова раскалывается, будто в ней гонг бьёт.

Я всю ночь ворочалась, раздумывая, что же мне делать. И сейчас хожу по комнате, жадно глотая кофе, чтобы проснуться, а душа рвётся выбежать из комнаты и пойти все выложить Амиру. Даже если я похожа на его жену, то это всего лишь внешняя схожесть. А вот ДНК-тест, который можно сделать мне с малышом, расставит все точки над «и». Я не его мама. Биологически.

Я подхожу к окну, и вздрагиваю, выронив из руки чашку.

– Господи, – я резко оборачиваюсь. За спиной стоит Амир. И когда только он успел зайти?

– Почему еда по-прежнему у двери?

– Я не хочу есть, – осторожно отвечаю я. Он смотрит на меня так, будто я – назойливая мошка, которую он по недоразумению не может прихлопнуть сию же секунду, и вынужден терпеть.

– Ты должна есть, – произносит он, а я, не выдержав, начинаю смеяться. Это нервное. Закрываю устало лицо руками и пытаюсь сдержать глупый истеричный смех. Это просто невыносимо. Он со всеми людьми обращается, как с бездушными куклами?

– Я! Не! ХОЧУ! – произношу я твёрдо каждое слово, – будете кормить меня насильно? Впихивать еду в рот?

– Можешь хоть собакам отдавать, но еда не должна оставаться, – от его холодного и непробиваемого тона я передергиваюсь, – запомни, Мирослава, пока ты здесь, то ведёшь себя, как примерная жена.

– Сделайте ДНК-тест, – я убираю руки от лица и смело смотрю на своего похитителя, – малыш, которого я вчера спасла – не мой. Это подтвердит тест, и вы сможете меня отпустить на все четыре стороны, продолжив искать настоящую жену.

Я замолкаю, потому что во взгляде Амира появляется очень тёмная и нехорошая эмоция, с которой он вчера смотрел на меня ещё в коридоре моей квартиры. Что я не так сказала? Я испуганно сцепляю руки, стараясь справиться с волнением. Я вроде слова не перепутала, глупость не ляпнула. Чего он?

Он делает шаг ко мне, и я опускаю взгляд, нервно сглотнув. Будь он менее огромным, и мне было бы проще выдержать этот моральный терроризм, но сложно казаться уверенной и твёрдой, когда твои глаза находятся на уровне груди оппонента.

– Собираешься врать до последнего или надеешься сбежать? – холодно произносит Амир, – или хочешь, чтобы потом пошел слух, что я делал ДНК-тест сыну, потому что моя жена – потаскуха и нагуляла его?

– Да нет же, – тихо произношу я, – я просто хочу доказать свои слова.

– Ты, кажется, слабо представляешь, что предлагаешь мне. Одевайся и иди к ребенку.

– Пожалуйста. Вы ломаете мне жизнь.

– Твои доказательства ничего не изменят. Ты в любом случае никуда не уйдёшь.

– Что!? – пораженно вдыхаю я, – Вы с ума сошли? Я вам не ваша игрушка!

Амир снова приближается ко мне, и я прячусь назад. Он наступает на меня, а я испуганно смотрю на него. Лодыжки внезапно упираются во что-то твёрдое, и я, не удержавшись, падаю назад. На кровать.

– Тебе лучше быть тихой и покорной, – усмешка становится кривой, когда Амир наблюдает, как я пытаюсь отползти от него подальше, – притворяешься невинной девочкой – притворяйся убедительнее, чтобы не злить меня. Иначе я вспомню, что моя жена – потаскуха.

– Я не ваша жена!

– Мне плевать. Врешь ты, или действительно просто похожа на неё – не имеет значения. Я не собираюсь разбираться. Ты уже здесь. Одевайся и иди к ребёнку. Я хочу пообщаться с сыном.

Я обречённо прячу лицо в руках. Это точно какой-то идиотский сон.

– Мне что, придётся всю жизнь изображать вашу жену? – глухо интересуюсь я, – или вы грохнете меня, как и обещали, через две недели за то, что я не совершала?

– Одевайся.

– Выйдите, – зло говорю я, – и оденусь.

– При мне. Так ты будешь расторопнее.

Дьявол! Я со злостью подсакиваю с кровати, и, глядя в эти холодные, равнодушные глаза, развязываю пояс. Швыряю яростно его на пол, подхожу к шкафу, распахиваю дверцы, берусь за полы халата и демонстративно срываю с себя, швырнув на пол и оставшись в одном белье. Я не смогла вчера надеть чужие вещи. Просто постирала свое и высушила его в сушилке.

– Довольны?! – выплевываю я, – полюбовались? Успокоились?! Выйдите теперь прочь, если все рассмотрели!

Я яростно поворачиваюсь к шкафу, чтобы поскорее одеться, и удивленно замираю. Кажется, я перепутала шкафы. Я как дура, стою перед шкафом с постельным бельем!

Я густо краснею с тихим смехом чудовища позади, подбираю нервно халат и уже хочу было накинуть его на плечи, как слышу ехидное:

– Кажется, я сказал тебе избавиться от вчерашних вещей. Не спеши одеваться, Мирослава.

– Боже мой, – я со стоном закрываю лицо ладонями и стекаю на пол, – мне неприятно носить чужие вещи. Тем более, чужое нижнее белье. Поэтому я осталась в своём. Хоть убивайте, не переоденусь.

Я слышу шаги – Амир подходит ко мне, а потом тихо шуршит ткань одежды. Каким-то шестым чувством, я понимаю, что он садится на корточки рядом со мной. Когда этот монстр начинает говорить, я убеждаюсь в том, что угадала.

– Не спорь со мной. Это бесполезно, я тебя сломаю. Просто слушайся. Сказал одеться – одеваешься без глупых вопросов. Или будет хуже.

Он выпрямляется и я отнимаю от лица ладони, мрачно глядя на этого тирана.

– Надоели старые шмотки – можешь выбросить. Куплю новые.

– Я могу выйти в магазин? – я цепляюсь за призрачную надежду оказаться на людях. Амир уже стоит ко мне спиной, поэтому я не могу узнать – разозлил его мой вопрос или нет.

– Если я разрешу.

– А вы разрешаете? Я не смогу носить чужую одежду. Точнее, хотя бы белье. Мне тогда нужно новое и я спокойно переоденусь.

– Я посмотрю на твоё поведение сегодня.

Он выходит из комнаты, впихнув напоследок столик с едой, и закрывает дверь. Я выдыхаю. Меня отпускает напряжение, которое все это время скручивало мои нервы, пока этот человек стоял рядом со мной. Он может вообще даже не открывать рот и не отдавать приказы, одно его присутствие заставляет напрягаться и ждать нападения.

Намёк я прекрасно поняла. Спорить с ним бесполезно. Он никогда не даст заднюю из принципа. Его невозможно уговорить. Какой-то железобетонный экземпляр, тиран, который любую ситуацию развернёт в дико невыгодную для меня сторону.

Буду беспрекословно слушаться – и на своей шкуре пойму все приятные стороны золотой клетки. Смогу вырваться из заточения, оказаться среди людей... и сбежать. Он же не будет угрожать мне оружием на людях? Нет, конечно.

Я раздвигаю дверцы соседних шкафов и нахожу, наконец, одежду. Что сказать... все достаточно сдержанное на первый взгляд, но явно дорогое. Тот случай, когда одежда выглядит шикарно не из-за вычурности, а из-за качественной ткани и пошива.

Я достаю темно-синее платье, и задумчиво смотрю в зеркало.

Нет, Амир, ты меня не сломаешь. Я не идиотка, чтобы биться лбом в каменную стену. Главное оружие женщины – ум и хитрость, и ты получишь тихую и послушную жену. Ненадолго. Пока я не добьюсь своего...

Я снимаю нижнее белье и надеваю платье на голое тело. Настоящая жена Амира была немного полнее, поэтому платье в плечах мне великовато. Но в целом я выгляжу удовлетворительно.

Надеюсь, у него тут нет нигде зеркальных полов! Ради своего спасения я, конечно, потерплю пять минут позора, разгуливая в таком виде, но не хотелось бы совсем потерять достоинство.

Я задумчиво смотрю на запястье и трогаю защитную рану. Она только немного побаливает, а так выглядит неплохо для раны, которую зашивал не профессионал... кто он такой, черт побери?

Расчесав пятерней волосы, я выхожу из комнаты. Амир расслабленно сидит на диване, положив ногу на ногу. Он цепко ощупывает меня взглядом, стоит только мне переступить порог. Вряд ли я, по его мнению, выгляжу хорошо – я так и не стала трогать ЧУЖУЮ расческу, да и без макияжа я выгляжу довольно бледно. Природа одарила меня красивыми волосами с рыжим отливом, а прокрасить как следует брови и ресницы забыла.

Такие мужчины, как Амир, наверное, любят ярких девушек. У Мирославы на туалетном столике лежит куча разных баночек с косметикой. Боюсь, если этот тиран решит приказать мне сделать себя поярче – он получит клоуна. Я в жизни не пользовалась такими насыщенным и темными цветами.

Ну и прекрасно. Он требовал послушную жену, а не красивую – вот послушно и нарисую себе черте какое лицо.

– Я готова, – говорю ему я. Нет, видимо, его совершенно не заботит мой бледный видок. Он едва заметно и довольно ухмыляется. Как дьявол, который вот-вот получит чистую душу за бесценнок.

Глава 11

Малыш снова рыдает, и горький плач я слышу, даже пока иду в сопровождении Амира по огромному особняку. У меня рвется вопрос – “как тут вообще жить можно?”. Красиво, но совершенно неудобно. Слишком много пространства, слишком все дорого вокруг... как в дворец попала.

– Он отказывается есть, – извиняющимся тоном сообщает нам пожилая женщина, когда мы заходим в детскую. Я ахаю, приложив ладонь ко рту. Ловлю недоуменный взгляд женщины и быстро убираю руку, но все равно не могу перестать пораженно рассматривать количество игрушек в комнате. У ребенка целый автопарк и зоопарк.

– Оставь нас вдвоем, пожалуйста, – произносит Амир за моей спиной.

Малыш сидит в углу, всхлиывая. Забился среди мягких игрушек и настороженно смотрит на меня и своего отца. Я подхожу к нему, сажусь на корточки, и протягиваю руки, а он тут же подскакивает и прячется в моих объятиях.

Бедный ребенок. Зачем Мирослава забрала его – чтобы потом просто бросить, оставить одного посреди улицы с запиской в рюкзаке и исчезнуть? Если Амир был плохим мужем и отцом, то ребенка нормальная мать ему не вернула бы. Ладно, нормальная мать вообще не бросила бы малыша в опасности.

Может, я просто многое не знаю, и Амир не такой уж тиран и зверь? Возможно, но про- верить я не хочу. Вполне вероятно, что они вообще друг друга стоят. Один – монстр, вторая – сволочь, которую неплохо было бы лишить родительских прав.

– Сколько ему лет? – спрашиваю я, но мужчина молчит. Я вздыхаю, – давайте представим, что у меня амнезия и я забыла возраст своего ребенка. Сколько ему исполнилось?

– Через месяц будет два.

– Если хотите, чтобы ребенок вас перестал бояться – не навязывайтесь поначалу, а потом чаще общайтесь с ним. Не скидывайте все на няnek, – произношу я, поглаживая мальчишку по спине, пока он настороженно выглядывает поверх моего плеча на Амира, – а если вы про- ведете с ним несколько дней подряд, будете играть, общаться, кормить и укладывать спать – все произойдет намного быстрее.

Я беру малыша на руки, а потом задумчиво оттягиваю резинку штанишек, заглядывая внутрь.

– И еще – ему два года, а он в памперсах. Его нужно приучать к горшку, – я поворачи- ваюсь, обвожу взглядом комнату, но этого предмета нигде не вижу. Куча игрушек – хорошо, но где развивающие игры, книжки, в конце концов, и прочие полезные вещи? И неожиданно пересекаюсь взглядами с Амиром.

Он смотрит странно, и почему-то у меня перехватывает дыхание от волнения.

Наверное, я веду себя не так, как Мирослава. Удивительно, что он продолжает стоять на своем, и игнорировать все мои слова о том, что я не его жена. Скорее всего, он жил с ней много лет до ее побега. Их общему ребенку два. За это время к человеку прикипаешь так, что замечаешь даже малейшие колебания в настроении.

Просто не может быть такого, что он на полном серьезе не видит различий!

Эта мысль тревожно вертится в голове, пока я продолжаю смотреть в глаза этому стран- ному человеку. Неужели он не видит? Даже если вчера он обознался, то уже должен был точно заметить разницу между нами.

Боже, тогда зачем я ему? Тревога превращается в липкий страх, и наверняка Амир видит это по моему лицу. Я быстро опускаю взгляд. Нет, я точно не хочу знать ответ на этот вопрос. Когда мой тиран соизволит сообщить мне о планах – может, уже поздно будет... бежать.

– Давайте я поиграю с малышом, а вы просто посмотрите? – глухо предлагаю я, сглатывая ком в горле, и продолжаю уже более бодрым тоном, – присоединяйтесь, как только малыш начнет интересоваться вами.

Я не решаюсь посмотреть на Амира все время, пока стараюсь увлечь малыша. Боюсь, что он поймет, о чем я думаю.

И еще потому, что я боюсь увидеть в его глазах кое-что другое. Он мог уже догадаться о моих планах. У меня слишком говорящее лицо – об этом мне постоянно твердил Володя. А я не хочу потерять решимость. Не хочу трястись, сомневаться, оглядываться и бояться. Мне нужно просто хладнокровно подгадать удобный момент.

Ребенок, поев, начинает засыпать. Я укладываю его в достаточно просторную для такого крохи кровать, накрываю одеялом и долго сижу рядом, глажу его по голове.

Он так и не решился подойти к Амиру. Мне стыдно, что придется бросить этого малыша в такой сложный для него момент. Наверное, я не мать Тереза, потому что сейчас уговариваю себя – он останется с отцом, они найдут общий язык... Амир не обидит его и будет тактичен. Надеюсь.

Но все равно на сердце тяжело.

– Тебя отвезут за вещами, куда скажешь, – слышу я голос Амира, когда мы выходим из комнаты, – можешь одеваться и ехать сейчас.

О господи! Да!

– Спасибо, – произношу я, едва сдерживая дурацкую улыбку. Главное, чтобы он ее не заметил. Вряд ли я кажусь девушкой, которая может продать свою свободу за шмотки, и это будет подозрительно, – я пойду тогда обуюсь.

И, пытаясь унять громко стучащее сердце, быстро ухожу, не оглядываясь, чтобы этот монстр не увидел счастье на моем лице и не сыграл роль моего личного дементора.

Я уверена – он смотрит. Потому что его тяжелый взгляд я чувствую физически.

Глава 12

Мои кеды валяются мокрыми в ванной комнате, и я обреченно хлопаю себя по лбу.

– Бестолочь, – тихо вырывается у меня.

Придётся, кажется, распрощаться с удобной и любимой обувью навсегда, и одолжить что-то удобное у Мирославы. Надеюсь, она не только в туфлях на каблуках ходила.

После быстрой ревизии гардероба, я надеваю обратно свое нижнее белье, высохшие леггинсы и футболку, нахожу вполне удобные, симпатичные белые кроссовки, обуваюсь и натягиваю поверх всего этого платье.

Как только смогу улизнуть – сниму его и останусь в своих вещах. Наверняка меня будут искать как девушку в темно-синем длинном платье.

Я пробегаю мимо зеркала, и ахнув, останавливаюсь. Ну и ну. Вот это видок. Амир точно заметит, что я спрятала одежду под платьем. Мне придется потратить еще три минуты и с сожалением поменять футболку на какую-то легкую маечку на тонких бретельках.

Телефона и сумки нигде нет, а значит нет и ключей от дома. Я устало смотрю в окно, на листья, которые вздрагивают от легкого ветерка. Глянцевые зеленые листочки бликуют тепло и умиротворяюще на солнце. “Что с Вовой-то?” – мелькает усталая мысль. Он хоть позвонил в полицию или я вернусь в пустую квартиру, потому что его тоже увезли в неизвестном направлении?

Не знаю, не знаю, ничего не знаю. Как же трудно бежать в неизвестность без поддержки...

Когда я покидаю комнату, и пересекаюсь с Амиром возле выхода из дома, то мое лицо имеет крайне скорбное выражение – какое и надо.

– Я готова, – произношу я тихо, и Амир кивает на двери.

– Иди.

– Вы поедете со мной?

Кажется, он едва приподнимает в ответ бровь.

– Нет.

Не сдержавшись, тихо фыркаю. Хочу было сделать шаг, как широкая ладонь неожиданно ложится мне на спину, и я замираю, едва не задохнувшись от страха.

Его рука медленно и с нажимом скользит вниз, к пояснице.

– Красивое платье, – через грохочущий в ушах пульс слышу я голос Амира. Наверное, сейчас у меня разорвется сердце, если он не остановится. Он же почувствует, что под платьем у меня не голое тело. О, Боже, мне конец, если он все понял.

– Мне просто оно очень понравилось. Я в нем уже ходила сегодня. Вы только сейчас заметили? – выдавливаю я, – я могу идти? Хотелось бы закончить побыстрее. До того, как ребенок проснется.

Ненавижу себя за такое вранье. Как же трудно лгать.

Амир убирает руку, и я с облегчением выдыхаю, чувствуя, как меня начинает потряхивать. Осторожно поднимаю на него взгляд, и мне тут же хочется провалиться сквозь землю. Он едва уловимо усмехается. А темные глаза будто прожигают меня – настолько пытливо он смотрит.

– Иди, – коротко произносит он, и я, не веря своим ушам, разворачиваюсь, толкаю дверь, и быстро выбегаю наружу.

Боже-е! Я, кажется, просто себя накрутила. Да разве этот безэмоциональный тиран мог почувствовать что-то подозрительное? Он, наверное, везде грубый, как деревяшка, не только в душе.

У ворот меня встречает тот самый лысый мужчина, от которого я вчера убегала в лесу.

– Добрый день, – здоровается он приветливо, отчего у меня дергается краешек губ. Лысый открывает дверь автомобиля, приглашая меня внутрь, – садитесь, пожалуйста, Мировслава. Скажите, куда вас отвезти?

– А они что, тоже поедут с нами? – я киваю на машину позади, через лобовое стекло которой замечаю двоих мужчин в салоне.

– Конечно. Амир Ринатович распорядился, чтобы мы вас сопровождали.

Ох. Ладно, а что я ожидала? Что он даст мне проездной и отправит на автобусе до магазина?

– Отвезите меня до какого-нибудь торгового центра, – произношу я и сажусь в автомобиль. Лысый закрывает за мной дверь и спустя секунду садится рядом с водителем.

Да уж, я была сказочной душой, когда надеялась, что сбежать будет легко.

Машина мягко трогается, а я провожаю взглядом огромный особняк за высоким, каменным забором. Прощай, Амир. Надеюсь, в этой жизни мы больше никогда не увидимся. Да и в следующих не хотелось бы.

Глава 13

Я ощущаю себя арабской принцессой, когда иду по торговому центру в сопровождении двоих мужчин в чёрном. Хорошо, что я не ловлю на себе удивлённые и заинтересованные взгляды от людей – сегодня выходной и ТЦ заполнен, а мои телохранители держатся на приличном расстоянии от меня.

Я бы могла прямо сейчас рвануть и побежать. Затеряться в толпе в выходной – дело нескольких минут. Но у меня только один шанс на побег. Если что-то пойдёт не так, я боюсь даже предполагать, что Амир со мной сделает за попытку сбежать. Убьёт, точно. Или запрет в комнате на всю жизнь и будет пихать миску с едой под дверь.

Мой взгляд замечает вывеску «Детский мир» и на душе становится погано. Я очень люблю детей, иначе никогда бы не пошла работать в роддом. Особенно за такую зарплату – не все выдержат ежедневное общение с растерянными, только родившими тревожными мамочками, не все смогут по десять раз показывать, как пеленать и менять памперс ребёнку, и терпеливо учить прикладывать его к груди.

При мне уволилась несколько девочек, а я все работала и работала, просто потому что мне становилось тепло на душе, когда я помогала женщинам заботиться о своем ребенке.

Поэтому сейчас я чувствовала себя предательницей, бросая малыша одного. Наверное, любая другая нормальная женщина бы думала о своём спасении, а не о дите, который ей неродной... но у меня так не получалось.

Я захожу в Детский мир, набираю побольше детских книжек, беру восковые мелки, альбом для рисования, и пластилин. За меня на кассе расплачивается Лысый. После я собираю все покупки в большой пакет и отдаю ему.

Как же я надеюсь, что Амир прислушается к моим словам и будет заниматься с малышом.

– Мне нужно в туалет, – говорю я Лысому и он немного удивлённо приподнимает брови, – я могу сходить хотя бы туда без вас?

– Нам приказано ждать в таких случаях у двери.

– Хорошо, – пожимаю я плечами и заворачиваю в сторону санузлов. Чем дальше я иду по коридору, глядя, как он делает поворот, тем тревожнее мне становится. Ооооох, а там окна-то есть? Мне кажется, или в той части ТЦ была глухая стена? Господи, хоть самой в канализацию смывайся. Знать бы, что пролезу – без раздумий нырнула бы.

Руки холодеют от волнения. В примерочных точно некуда будет бежать. Что же мне делать? Я нервно закусываю ноготь и замедляю шаг. Впереди какое-то помещение. Стоит только мне поравняться с открытой дверью, как сердце пропускает удар.

Там есть окно!

Все звуки будто исчезают, когда я резко разворачиваюсь и бросаюсь в комнату. В два прыжка оказываюсь в ней, захлопываю дверь прямо перед носом удивлённых телохранителей и поворачиваю замок.

Боже, да!

Я едва не спотыкаюсь об ведро, срываю с себя платье, бросаю его куда-то в угол, к швабрам. Дверь содрогается от удара. У меня мало времени – замок тут слишком хлипкий!

Я подбегаю к окну, смотрю вниз и вскрикиваю. До земли метра три, и внизу курят двое рабочих в спецовке.

Плевать! Рывок – и я на подоконнике. Перебрасываю ноги и кричу:

– Эй!

Мужчины удивлённо поднимают головы. Один из них открывает рот, выронив сигарету. Бедняги. Им лет по пятьдесят на вид, интересно, на их веку часто попадались девушки, прыгающие из окон?

– Поймайте меня, – произношу я и срываюсь вниз. Меня успевает поймать седой мужик с выдающимся пузиком, об которое я мягко пружиню, приземлившись. Он хмыкает в усы, обдавая меня запахом табака и опускает на землю.

– Ну ты, девка, даёшь... – с укором произносит он, пока второй пораженно делает затяжку за затяжкой, рассматривая меня.

– Простите! – кричу я и бегу к дороге. Ноги, как мне кажется, даже не касаются земли. Боже, я свободнаааа! Пока Лысый со вторым телохранителем выбьют дверь, пока они поймут, в какую сторону я убежала – я уже успею миллион раз скрыться.

Я теряюсь в толпе людей, спешащих за покупками в ТЦ. Петляю, как испуганный заяц, то и дело заворачивая за остановки и осматриваясь. Сажусь на первый попавшийся автобус и забиваюсь на дальнее сиденье, надеясь, что сегодня не будет контролеров. Сбежала, сбежала! Хочется смеяться и плакать от облегчения.

Что я и делаю, когда пересаживаюсь на маршрутку, которая идёт в сторону моего дома. Плачу, и мысленно прошу прощение у малыша, которому придётся остаться в очередной раз без матери... пусть и ненастоящей.

К подъезду своего дома я пробираюсь едва ли не кустами, вздрагивая от каждой проезжающей мимо машины. Вытираю слезы, и в голове мелькает ясная и правильная мысль: сейчас я зайду домой, и в любом случае пойду в полицию. Есть ли там Володя или нет. Пусть потом Амир меня найдёт, я скажу ему, что написала на него заявление, и если он меня похитит – ему не поздоровится. И просто предложу помочь с малышом.

Я захожу в подъезд, и медленно поднимаюсь на четвёртый этаж. Потому что слышу на лестничном пролёте эхо мужских голосов. Осторожно прислушиваюсь, пытаюсь понять, кто говорит. Трое... нет, четверо. Молодые, судя по голосам. Обсуждают какой-то ночной клуб. Точно не мои похитители, наверное, кто-то из соседей пригласил гостей.

А кто мог-то? У нас по соседству только старый дед, да одинокая женщина с ребенком лет пяти.

Стоит мне только подняться на наш пролет, как я удивленно замираю. Двое парней поворачиваются сразу, услышав шаги. Самый молодой из них вскидывает брови.

– Рита?...

– Матвиенко, что случилось? – еле шевеля языком спрашиваю я. Я узнаю всех – вот Ванька, школьный друг Вовы, толстый, как колобок, задрот. Антон, коллега с работы, программист. Слава и Веня – два брата, тоже друзья детства Володи.

Что они тут делают? Для чего они тут собрались? Неужели с Вовкой, все-таки, этот урод что-то сотворил?!

– Да как чего случилось?... – задумчиво произносит колобок Матвиенко, – просто отмечаем. А ты чего тут делаешь?

– Что... в смысле – отмечаете?! С Вовой что?!

– Ты чего кричишь, Рит? – пожимает плечами колобок, – Вовкин развод отмечаем. Ты ж от него ушла к какому-то мужику. Ты нафига с ним так-то, а?... некрасиво, Рита.

Я чувствую, как грязный пол подъезда плывет под моими ногами, и беспомощно вцепляюсь пальцами в перила. Дверь на этаже внезапно хлопает, по лестнице громяхают шаги, и я слышу до боли родной голос...

– Ну что, еще по пиву? – весело интересуется Володя, и спустя мгновение я вижу, как он спускается... в обнимку с какой-то грудастой девицей в яркой одежде. Правая сторона лица Вовы вся фиолетовая и отекла, одна из кистей рук в гипсе.

Кажется, что кто-то выкачал весь воздух из моих легких. Я не могу вздохнуть, только смотрю на них, и ничего... абсолютно ничего не понимаю. Я, наверное, сплю. Какой-то дурацкий, совсем непонятный сон.

– Тош, ты самый быстрый, метнешься? Девочкам возьми что-нибудь подороже, – продолжает мой муж, а потом только замечает меня. Глаза мужа вылезают из орбит, и он тут же быстро убирает руку с талии девицы.

– Ритка?... ты что тут делаешь? Бли-ин, – выдыхает он в панике.

Да что происходит?!

Глава 14

Я не могу вымолвить ни слова от шока, а Вова нервно машет друзьям.

– Свалите, дайте поговорить!

– Да валим, валим, – бурчит колобок Матвиенко, выкидывает окурок и поднимается по лестнице... в нашу с Вовой квартиру. За ним молча уходят остальные, бросив в мою сторону странные взгляды. Девушка убегает тоже, громко стуча каблуками по бетону лестницы.

– Рит... – Вова резво спускается ко мне и кладет ладони на плечи, – Рит, ты что тут делаешь?

– В смысле?! – кричу я, чувствуя, что у меня вот-вот начнется истерика, – Вова, мы с тобой тут живем! Что происходит, объясни? Что это за женщина?!

– Рита, девочка моя, не кричи так! – Вова прижимает меня к своей груди и я начинаю плакать, щедро заливая слезами его футболку, чувствуя, как она мокнет под щекой, – ты не представляешь, во что вляпалась из-за этого ребёнка. Прости, малыш, это все роль, которую я теперь играю.

– Я ничего не понимаю...

– Ты же вчера уехала с этим Амиром, ты почему вернулась? Он тебя отпустил?

– Вов, ты что? Я сбежала от него.

– Как сбежала?! Рита-а, мать твою, мне сказали, что голову снесут, если я хоть кому-нибудь вякну, что ты – моя жена. Или если пойду в полицию. А ты сбежала ко мне! Ты знаешь, с кем связалась? – стонет муж, сжимая меня ещё сильнее, – что ты наделала...

– Не знаю, кто он. Богатый псих какой-то, – сглотнув комок в горле отвечаю я, – Вов, объясни, что происходит. Я совсем ничего не понимаю. Я бежала домой, думая, что тебе могли что-то сделать, а ты... с друзьями... Празднуешь. И они уверены, что я развелась с тобой.

– Я же говорю, малыш, это просто цирк.. У этого Амира жена сбежала, похожа, как две капли воды, на тебя. Меня вообще закопать сначала хотели, Рит. Допытывались – сколько я с тобой уже шашни кручу и помогал ли тебе с побегом. Пальцы, твари, дверью тачки прищемили. Я твердил, что мы с тобой уже сто лет женаты, и никакой Мирославы я не знаю. Хрен мне поверили, отпустили только когда им позвонили и сказали, что всю инфу про тебя пробили, —я холодею, когда Вова произносит эти слова, – дали мне денег, и...

– погоди... – ошалело произношу я, – они поняли, что я не Мирослава?

Вова с жалостью смотрит на меня.

– Ритк, ты, ей-богу... таким людям про тебя все раскопать – как в ладошку плюнуть. Этот Амир – бандит со связями, самый что ни на есть обычный бандит. В свое время он отжал кучу коммерческой недвижимости прямо в центре! Хотя иногда в интернет выходи, интересуйся новостями, – он машет рукой, – не будешь так удивленно хлопать глазками. Конечно, поняли.

У меня снова все начинает плыть перед глазами. Я просто феерическая дура – пыталась доказать Амиру, что не его жена, а он все давным-давно знал. В тот же вечер, как меня похитил... все тогда и решил.

– Но если он знает, то почему меня не отпустил?

– Ритк, ты дура? О нем, наверное, и так уже болтают, что он бабу свою отыскать не может. Ты че, реально думаешь, что он извинится и тебя отпустит? Мне дали денег и сказали, чтобы я в ближайшее время свалил из города и держал рот на замке. Я теперь – разведенный мужчина., играю такую роль. Ты куда-то уехала. Даже наши соцсети почистили от всех твоих фоток. Прошерстили всю квартиру, часть вещей забрали...

О, Боже. Для чего все это представление? Неужели я действительно нужна этому мужчине, чтобы просто сыграть роль жены?

– И что теперь, Вов? – слышу я, как сквозь вату, свой голос, – останешься разведенным мужчиной, а я куда?... на помойку пойду?

– Рит...

– Ты мой муж, – я смотрю на него, и в глазах собираются горячие слезы. Я мечтала никогда не узнать, что такое предательство близкого человека. А теперь знаю. Он стоит передо мной и говорит, что ему заплатили за меня. И, боже, празднует свой фиктивный развод с друзьями, пока я, наивная идиотка, как бешеный заяц наматываю круги по городу и прячусь по кустам.

– Ритуся, что за глупости ты говоришь, на какую помойку? Что-нибудь придумаем. Только меня пристрелят, если тебя тут найдут. Тебе нужно вернуться к нему, – он гладит меня по спине, а я холодею от шока, думая, что ослышалась.

– Вов, ты шутишь?

– Рит, нет. Я не бандит. Я не смогу с ним тягаться. Он тебя бил?

– Нет, – вдавливаю я, – но...

– Ну вот видишь. Потерпи немного, я что-нибудь придумаю.

– Вова! – вскрикиваю я, отстраняясь и сжимая его футболку в кулаках, – ты о чем?! Ты мой, муж, я живу в доме у незнакомого мужчины, от которого у меня мурашки! А если он захочет переспать со мной?! Я же его, так сказать, супруга! Что в этом случае?!

– Ну... – тихо произносит Вова, – это будет действительно страшно пережить... – я выдыхаю, надеясь, что он задумался, куда меня отправляет, но муж внезапно продолжает, – но я постараюсь смириться. Тут я точно смогу тебя простить и постараюсь забыть произошедшее. Не переживай, я никогда не упрекну тебя ни единым словом.

– При чем тут ты?! – истерично смеюсь я, – Господи... ну ты и герой, Вов. Всё ясно, – горько произношу я, справившись с эмоциями, и отстраняюсь от мужчины, – ты предатель, Иуда.. трус. Испугался и оставил меня расхлебывать одну.

– Хватит, Рит... я не хочудохнуть из-за твоей глупости. Нечего было тащить ребёнка домой.

– Гад ты. Вынеси мои вещи.

– Их все забрали, Рита. Все, что могло бы напомнить о тебе, – виновато произносит Вова, а я закрываю лицо руками и начинаю спускаться вниз, – Рита, ты куда?

– В никуда.

Я ухожу, а Вова остаётся. Он даже не пытается сорваться за мной, не пытается даже словами остановить. Просто молчит. Вот так иногда можно за одну минуту разрушить супружескую жизнь, которая строилась много лет.

Выхожу на улицу и подставляю заплаканное лицо солнечным лучам, зажмурившись. Могла ли я знать, что Вова так поступит? Пытаюсь порыться в памяти, вспоминая разные ситуации. Да, были неприятные случаи, когда меня кололо сомнение – настолько ли он хороший человек, каким я его считала? Но это были всего лишь сомнения. У нас в браке шло все гладко, поэтому проверить на вшивость друг друга возможности не представилось. Я оправдывала проступки Вовы словами «люди не бывают идеальными».

За один день моя спокойная жизнь превратилась в руины. Куда мне идти? Родителей у меня нет, а подруги все замужние и с детьми. Хотя действительно на помойке ночуй. Денег ни копейки, документов нет, даже вещи и те забрали.

Будь ты проклят, Амир!

Шестое чувство подсказывает мне открыть глаза, и я замечаю в конце дома черную машину, медленно заворачивающую во двор. Я срываюсь с места и снова бегу.

Не знаю, что я буду делать, но так просто я не сдамся.

Глава 15

– Ой, Рита, привет. Ты чего такая бледная? Что-то случилось?

Я стою на пороге квартиры Аси, моей старой знакомой, которая живет в двух кварталах от своего дома. Подруга поглаживает большой живот и удивленно смотрит на меня. Она явно меня не ждала сегодня.

– Можно я от тебя позвоню? – произношу я как можно более спокойно, – я телефон потеряла.

– Проходи, конечно! А Вовка не дома? – она приветливо приглашает жестом внутрь, и я захожу в уютный маленький коридор.

– Нет, —приходится соврать мне, – не дома.

– На, держи, – она передает мне айфон, – чай будешь? Или кофе? Я тут плюшки испекла, сладкие.

– Спасибо, Ась, – со вздохом отвечаю я, набирая номер другой подруги, – булочки у тебя всегда вкуснейшие, но я не могу, мне бежать надо.

“И не хочу тебя подставлять, если сейчас сюда заявятся мои похитители” – думаю я, пока в ухо несутся гудки, а Ася, махнув рукой, уходит. Саша берет трубку спустя секунд десять, и на заднем плане я слышу музыку и голоса.

– Але?

– Сашка, это Рита. Мне твоя помощь нужна. Можно одолжить у тебя небольшую сумму?

– А ты где? – щебечет подруга, – слушай, я в кафешке сейчас, спрашиваю с одним удамом, и я свободна. Подъедешь или тебя подобрать? Я адрес могу скинуть на Ватсапп, если тебе срочно. Или дай номер карты, сейчас переведу.

– Карты нет, сама подъеду, – бормочу я, и в этот момент с кухни выбегает Ася, пихая мне в руки пакетик с теплыми плюшками. У меня во рту собирается слюна – яркий запах выпечки и корицы я чувствую даже сквозь пакет. А еще сахарок блестит. Блин!

– Тогда на Ватсапп лови отметку на карте. Жду тебя.

Она сбрасывает вызов а я растерянно смотрю на выпечку.

– Вовка зарплату не принес? – сочувственно интересуется Ася, – прости, мы сами на мели. Так бы я тебе тоже одолжила. Ты хоть плюшки поешь, вкусные, зря я, что ли, старалась...

Ох, Ася, спасибо, но как же я глупо буду выглядеть с этим пакетиком!

К “кафешке”, которая оказалась крутым рыбным рестораном “Моремания” я подъезжаю минут через двадцать. Сразу же вижу на парковке белый Ауди Саши, и через лобовое стекло – саму подругу, которая пытается накрасить губы, яростно что-то произносит, и хватается за салфетку.

Я подхожу к машине, открываю переднюю дверь и сажусь на пассажирское сиденье. Сашка поворачивается ко мне, держа алую помаду в руках – под цвет брючного костюма.

– Привет! Вау, это Аськины плюшки?! Поделишься? – радостно восклицает она.

– Ты рыбы не наелась?

– Ой, – она морщится, – дерьма я наелась. Заказала осьминожек и кальмара на гриле, так этот черт такое лицо сделал, будто я на первом свидании пытаюсь на квартиру в центре его развести, и еще поинтересовался – не многовато ли мне будет. Прикинь?! Сидел потом с каменной рожей и чай хлебал с супом. Самое дешевое из меню выбрал. Так что дай булочку, весь аппетит испоганил, гадина.

Я, хмыкнув, протягиваю одну из сахарных плюшек Сашке, и она со стоном, закатив глаза, вгрызается в нее.

– А у фебя фто флуфилось? Нафига тефе деньгфи? – интересуется с набитым ртом подруга, и я со вздохом начинаю выкладывать ей все. Абсолютно все. Саша – единственная,

кому я могу рассказать любые подробности своей жизни и быть уверена, что она сохранит все в тайне.

По мере моего монолога зеленые глаза Сашки становятся больше и больше, и она даже забывает о плюшках, застыв.

И на моменте, когда я рассказываю про Вову, она зло бьет ладонью по рулю.

– Так и знала! – выпаливает она, – Рита, я ж говорила, что твой Презик – полное дно!

– Презик? – ошарашенно переспрашиваю я, а она хрюкает.

– Президент. Он же тоже Владимир Владимирович? Но на Путина не тянет, поэтому Презик. Прости, я так его мысленно называла. Офиге-е-еть, – тянет она, хватаясь за голову, – Ритка, ты попала. Звучит, конечно, как бред. А помнишь, как он твою заначку распотрошил? Ты его простила тогда, потому что он сказал, что это маме на лечение. Уверена, что его мама здорова, просто тебе по ушам проездил.

– Я ей звонила, – бурчу я, – ей правда операцию на щитовидной делали.

– Ага, но сказать-то тебе можно было? Наивная ты чухня. Ладно, я такая же была. Ритка, может и не стоит сбегать-то от этого Амира? Не обижает же он тебя. Он тебя вообще не знает, ты просто похожа на его жену. У тебя все карты в руках, Рит... – она задумчиво рассматривает меня, – сыграй для него роль жены, а там, глядишь, и оттаает мужик.

– Саша!!! Ты издеваешься?! Он убить меня грозился!

– Да поначалу... наверное, когда еще думал, что ты неверная женушка. Ладно-ладно, не смотри на меня так, – она поджимает губы, – Рита, пересекалась я с этим Амиром пару раз. Ты же помнишь, я в эскорте немного поработала, когда моя сестра в больницу загремела? Нет, не он меня заказывал, не удивляйся. Я тебе единственное скажу – эти ребята живут немного в другом мире. Показал где-то слабинку – и тебя быстро с пьедестала сбросят.

– Для чего ты мне это рассказываешь, Саш?

– Чтобы ты знала. Если у Амира сбежала жена с ребенком – значит, не может даже с женщиной совладать. Значит, у него прямо под боком поселилась змея, которая ему нож в горло всадить готова, если ее правильно мотивировать, – произносит устало Саша, – Ритка, тебя не Амир может найти, а его конкуренты, и будут тебя обрабатывать, выпытывая, где он ходит, что ест и с кем у него там контры. Конец тебе, Ритка.

– Спасибо! – всплескиваю я руками, – Саша, ты потрясающе поддерживаешь!

– Я намекаю, что тебе не стоит рыпаться, солнышко. Ой, – она машет рукой, заводит машину и начинает выруливать с парковки, продолжая болтать, – поехали, я сниму денег с карточки. Но ты подумай хорошенько. Ты же не простишь своего Презика после такого, не вернешься к нему?

Я мотаю головой. Простить предательство? Я еще не настолько дурочка. Пусть отрывается с друзьями и трясется за свою жизнь, прогнав жену. Я уверена, что карма существует. Ему однажды вернется.

От первого же банкомата Сашка отходит с напряженным лицом, открывает дверь машины и с размаху садится внутрь.

– Блин, – ругается тихо она, – фигня какая-то.

– Что случилось?

– Пишет, что карточка заблокирована. Я ж в ресторане расплачивалась, прямо перед твоим звонком.

Мне становится страшно. Просто странный, иррациональный страх холодным перышком щекочет мои нервы.

– Может, другой банкомат попробуешь? – предлагаю я, а она пожимает плечами.

– Поехали. Сейчас еще в банк позвоню.

Мы выезжаем на шоссе, когда Сашка дозванивается до колл-центра банка. Я прислушиваюсь к разговору, напряженно сцепив руки.

– Да ну? Вы шутите? А за что блокировка-то?! – ругается подруга, – а если у меня нет времени в банк приехать? Может, я в другой стране! Ну вообще, – она швыряет телефон на сиденье, поджав губы, – прикинь, реально заблокировали! Ладно, поехали в отделение, я разберусь. Еще и не говорят, сволочи, за что.

Она замолкает. Я замечаю, что подруга как-то странно напряженно смотрит в зеркало заднего вида.

– Саш? Что там? – я оглядываюсь назад и холодею. В автомобильном потоке за нами едут четыре дорогие и блестящие черные машины.

– Капец, Ритка... – слышу я испуганный шепот Саши, – ну ты меня и втянула.

Глава 16

Одна из машин неожиданно начинает обгонять нас, и я шепчу обреченно "О, Боже". Да, похоже, мы влипли. Недолго я бегала.

– Рита! – восклицает Сашка, – а ну-ка, возьми мой телефон и спрячь куда-нибудь! Хотя позвонить мне сможешь, если что.

– Куда я его спрячу? – я иронично смотрю на подругу, – отберут.

– В титьки, дурында! – она решительно запихивает холодный смартфон мне прямо в декольте, и я охаю, – не будут же тебе в лифчике рукой шарить? Говорила я тебе, давай грудь увеличим, в четверочке знаешь, как удобно прятать?!

– Боже, Саша...

– Ты пристегнута?

– Да, а что?

– Тогда выдохни и закрой глазки, – произносит подруга и вдавливая педаль газа в пол, отчего Ауди начинает рычать, как тигр, а я покрываюсь холодным потом, стекая по сиденью. Сашка легко обгоняет наших преследователей и быстро отрывается от них, уверенно перестраиваясь из ряда в ряд.

– Господи, умоляю, не влети куда-нибудь!

– Спокуха, Рит. Я уже десять лет за рулем, – больно весело произносит подруга, – или ты к своему Амиру захотела? Могу притормозить. Ой блиииииин! Камеры!

Я бросаю взгляд на спидометр и чувствую, как волосы встают дыбом. Нет, я хочу забыть это и поскорее. Сашка неожиданно начинает сбрасывать скорость. Впереди я замечаю светотормоз и красный свет на нем. Блин. Как не вовремя!

Я молюсь, чтобы он переключился быстрее, но стоит только нам подъехать, и мои надежды рушатся, как карточный домик: на светофоре мигает оставшееся время – шестьдесят секунд. Я в панике оглядываюсь. Так и есть – те самые машины быстро догоняют нас, зажимая со всех сторон.

– Всё, приехали, подруга, – вздыхает Сашка, —надеюсь, меня не вальнут. Если что – я кошу под дурочку, – она свободной рукой поправляет декольте и откидывает себя взглядом в зеркале, – мы с тобой ехали пожрать в кафе. Эх, губы надо было докрасить.

– Я позвоню в полицию, – произношу я и тянусь за телефоном в декольте, а подруга, зашипев, как кобра, отбрасывает мои руки.

– Ты не успеешь! Сейчас заметят, отберут! Сиди смирно!

Двери машин открываются и из них выходят люди... один, другой, третий, четвертый... Лысого я узнаю сразу, а вот других – нет. Высокий мужчина в годах, крепкий, с сединой в черных волосах и шрамом под глазом, нагло отпихивает плечом Лысого и первым подходит к Сашкиной Ауди.

Он рывком открывает дверь, и Саня улыбается ему, как модель, рекламирующая отбеливание зубов.

– Драсьте!

– Вышла, – коротко, низким и рычащим голосом приказывает ей мужчина. Меня начинает колотить от страха. Пока Сашка тушует и пытается вылезти наружу, не задев этого мужика, я резво открываю дверь и выбегаю на шоссе.

Стоит кроссовкам коснуться асфальта, как на периферии зрения мелькает черный силуэт, меня хватают под локоть и сжимают. Я начинаю визжать – громко, чтобы привлечь внимание, но рука тут же зажимает мне рот, и мне только и остается делать, что глотать мерзкий запах одеколора, и мычать, болтая ногами в воздухе – потому что меня тащат в сторону от Ауди.

– Мы в кафешку ехали, – проносится над машинами звонкий голос Сашки, – а Мире уже домой пора, да?

В другой бы ситуации я заржала. Сейчас мне хотелось плакать от Сашкиного актерского мастерства.

Нам преграждает дорогу Лысый и я с ненавистью смотрю на него.

– Амир Ринатович сказал привезти ее к нему, – говорит Лысый, обращаясь к человеку за моей спиной, и добавляет:

– Живой.

– Мне наплевать, что сказал Амир, – я слышу, как хлопает дверь Сашкиной Ауди и как приближается тот мужик с низким, рычащим басом, от звука которого уже хочется спрятаться, – возвратишься сейчас к нему и скажешь, чтобы приехал ко мне на разговор.

Что?! Что?! Я в шоке дрыгаю ногами, и пытаюсь вывернуться, а страх удушающей волной накрывает меня. Кто еще по мою душу? Мне было достаточно Амира!

Лысый неуверенно пропускает нас и меня просто швыряют на заднее сиденье машины. Все происходит четко и быстро – я не успеваю подняться, как напротив меня садится мужчина со шрамом, остальные исчезают по машинам, и мы трогаемся.

Почему-то я уверена, что этого сюжета даже не будет в вечерних новостях. Был человек – нет человека.

– Что вам от меня надо? Вы кто? – шепчу я, пока мужчина давит на меня тяжелым взглядом черных, как угольки, глаз.

– Замолчи ты, – выплевывает он, – пристрелил бы тебя сейчас, как собаку. Только сначала допрошу, где шляется и что знаешь.

– Отпустите меня, потому что вы меня путаете с абсолютно другой девушкой, – выдыхаю я, и мне хочется побиться об стену машины головой. Сначала Амир, теперь этот черт, – если что, у меня есть доказательства.

– И подруга твоя путает?! – громко смеется он, и я вздрагиваю. Сашкино желание "ско-сить под дурочку", назвав меня Мирославой, оказало мне медвежью услугу, – глупая девка, ты думаешь, что можешь навешать лапшу на уши мне? Если мой сын от тебя не избавился, это сделаю я, – он подается вперед, поставив локоть на колено и усмехается:

– У тебя есть выбор: можешь рассказать что-то полезное и я выдам тебя замуж, сослав куда-нибудь подальше. Для всех ты будешь мертва. Либо молчишь и отправляешься кормить червей на самом деле.

Я обреченно закрываю глаза. Господи, еще мне отца этого монстра не хватало. Честно говоря, лучше бы я вернулась обратно к Амиру, чем так. Что-то мне подсказывает, что новая жизнь меня еще как перемелет, поломав все кости.

Глава 17

Чувствую себя самой настоящей преступницей. Как только мы тормозим у дома отца Амира, двое мужчин открывают двери, и выводят меня под локотки наружу. Их пальцы сжимаются стальной хваткой, делая мне больно.

Поразительно, насколько можно однажды оказаться абсолютно бесправным человеком, которого даже не хотят выслушать. Я будто глупое животное, которое пытается сообщить хозяину, что него болит животик, а он только отмахивается, со словами “отстань, не до тебя сейчас”. Вот она, квинтэссенция отчаяния и растерянности.

Дверь машины громко хлопает и я слышу мрачный голос отца Амира:

– Ее куда-нибудь пока в подвал. Замки проверьте, чтобы не удрала.

Меня в подвал?!

– Подождите, – пытаюсь сказать я, – я объясню...

– Молчи! – тихий рык прерывает меня, – я тебе слова не давал.

Мне остается только перебирать ногами – меня практически не ведут, а тянут, толкают вперед, чтобы не отставала. Я смотрю только на редкую траву, которая пробивается между серыми плитками на дорожке к дому. Спроси меня, где я сейчас – ничего не смогу ответить. Страх перед будущим слишком сильный, я просто не могу сосредоточиться на мыслях. Они как рой moskitov беспокойно и бесполезно кружатся в моей голове.

Я думала, что меня запрут в сыром, мокром и темном подвале. Доля ожиданий сбывается: внизу, куда меня спускают по деревянной крутой лестнице, действительно влажно и прохладно. Меня вталкивают в самую дальнюю комнату, и за спиной с тяжелым скрипом задвигается засов.

Через маленькое окошко наверху пробивается солнечный свет. Ярко пахнет землей и пылью. У стен – деревянные светлые стеллажи, на которых лежат овощи.

Я тут же запускаю руку в декольте и достаю телефон. Спасибо, Сашка. Это действительно мое спасение... черт!

– Не-ет, – вырывается у меня, когда я пытаюсь разблокировать экран, – Санька, дурында, могла бы пароль сказать!

Я начинаю глупо, тихо смеяться – в моей руке бесполезный кусок железа. Казалось бы, свобода так близко, но, как всегда, в мою жизнь врывается это глупое, неожиданное “НО”. Да и сеть тут не ловит. Боже, ну я и влипла.

Окно достаточно высоко, но, если достать ящики с овощами и поставить их друг на друга... я задумчиво смотрю на столп солнечных лучей, прорезающих темную комнатку. Предположим, я открою окно, а потом куда? А если меня заметят?

Нет, не могу же я продолжать сидеть и покорно ждать отца Амира.

Я подхожу к двери и прислушиваюсь. Где-то вдалеке разговаривают люди. Быстро отбегаю, хватаю деревянный ящик с картошкой идвигаю его к противоположной стене. Мышцы на руках напрягаются и рана отзывается резкой болью. Я охаю, отдергиваю руку и смотрю, как начинают снова кровить швы – выступают маленькие алые капельки. Господи, какая глупость, Рита, сожми зубы и двигай дальше. Никто тут не собирается жалеть тебя и дуть на ранку.

Второй ящик приходится освободить от овощей, чтобы поднять и поставить его на первый. Темная картошка рассыпается по всему полу. Мне почему-то кажется более страшной мысль о том, что если сейчас зайдет отец Амира, то он заметит, что я натворила с запасами его еды, и разъярится именно из-за этого, а не из-за попытки побега. Не знаю, почему.

Когда я, построив башню из ящиков, задираю ногу, чтобы залезть на них, то замечаю, как по руке стекают уже тоненькие струйки крови. Неустойчивая конструкция шатается с каждым моим шагом.

Одна из ног соскальзывает, и я едва не падаю вниз. Царапаю об ящики живот и успеваю схватиться за стеллаж, громко выдохнув. Сердце едва не выпрыгивает из груди.

Лишь бы не рухнуть с грохотом... я стискиваю зубы, чтобы терпеть боль, которая волнами расходится по руке, и, в два рывка взобравшись на самый верх, где стоят закатанные банки с чем-то темным, замираю.

Окно абсолютно глухое. Без ручек, без петель. Было ли это неожиданностью? Да нет. Я уже готова к чему угодно. Даже к тому, что стоит только мне сейчас взять одну из банок и попытаться разбить стекло – как дверь откроется и кто-нибудь зайдет в комнату. От таких мыслей адреналин вспыхивает в венах и я, схватив банку, со всей силы ударяю ею в окно.

Звон стекла кажется мне оглушительным. Оно разлетается во все стороны, мои руки заливает чем-то остро пахнувшим и жгучим, и рану начинает щипать. Окно разбито, но я не пролезу через торчащие осколки, поэтому я пытаюсь их выдернуть из рамы, режу пальцы, с шипением отдергиваюсь, и начинаю сбивать их подручными предметами.

Наверняка все слышали звон! Мне нужно быть быстрее!

Засов со скрипом отодвигается и вздрагиваю. Оборачиваюсь, вижу удивленное лицо какого-то мужчины. Он заходит в комнату, пораженно рассматривая овощи на полу, а потом поднимает голову вверх, заметив меня.

– Эй...

Я вскарабкиваюсь на подоконник и быстро пролезаю в окно, разодрав спину, руки, и, кажется, поясницу. Выпадаю наружу, едва не напоровшись на осколки. Поднимаюсь и бегу. Бегу вдоль дома, туда, где за густой зеленью сада маячат открытые ворота.

Позади, словно гром, раздается грозный лай пса. Судя, по басу – это огромная псина, и она сейчас бежит за мной со всех ног, тяжело дыша. Я вижу, как резаная. Мелькает мысль о том, что умнее было помереть в подвале, чем быть сожранной собакой.

Я не добежу до ворот. Не успею.

Нога неудачно подворачивается, и я падаю на землю, перекатываюсь на спину и закрываюсь руками. Пес с шумом пыхтит надо мной, и слюна капает мне на грудь, когда неожиданно рядом раздается громкий рычащий крик:

– Фу! Сидеть!

Я закрываю лицо ладонями и начинаю плакать. Никогда не думала, что буду так рада голосу Амира. О, Боже.

– Пошёл вон, – приказывает псу Амир, и тот повизгивает и скулит, прыгая вокруг него, судя по быстрому шарканью лап, – фу, я сказал!

Из-под ладоней текут по лицу горячие слезы, а поясницу и спину неприятно жжёт.

– Дурная ты баба, – раздаётся рядом со мной тихий голос Амира, – я тебе что говорил? Зачем бежала? – он берет меня за запястья, задев шов, отчего я вскрикиваю и открываю глаза. Амир переводит взгляд на свою ладонь. Она вся в моей крови. Мужчина задумчиво растирает алые разводы на подушечках пальцев, будто хочет убедиться, что она реальна.

– Ваш отец запер меня в подвале! – зло произношу я, захлебываясь слезами.

– Правильно. Я тоже запру тебя где-нибудь, – холодно говорит Амир, поднимая на меня тёмный взгляд, – давай поднимайся. Хватит лить слезы.

– Вы бездушный монстр... – я замолкаю и ахаю от испуга, потому что ко мне подсккивает та самая огромная собака размером с телёнка и принимается обнюхивать моё лицо. Я люблю собак. Но не после того, как они пытались меня сожрать – поэтому я обмираю, не закончив гневную тираду.

– Вон! – рычит на неё Амир, и пёс, повизгивая, уносится, не переставая вилять обрубок хвоста. Я с тихим стоном поднимаюсь, потому что колени тоже саднит, а на леггинсах зияют дырочки. Хочу поскорее уйти отсюда, пусть и снова попаду в лапы этого жуткого человека, который похитил меня. Главное, что не в пасть собаки. Это намного, намного хуже.

Я выпрямляюсь, и Амир кивает в сторону ворот. Делаю шаг, и в ступню отдаёт боль – видимо, повернула, падая. Так я и ковыляю дальше, припадая на ногу, пока неожиданно не взмываю вверх, вмиг оказавшись на руках у Амира.

Ой, мамочки. Душа уходит в пятки, пока я пораженно смотрю на этого монстра, положив по инерции ладошку на мощную грудь. И тут же быстро убираю ее, испугавшись.

– Медленно идёшь, – произносит Амир, поймав мой взгляд.

– Я ногу повернула. Отпустите, пожалуйста, я дойду.

– Не бегала бы – не подвернула тогда.

Я чувствую себя маленькой, хрупкой статуэткой в его руках. Мелькает странная мысль – за что Мирослава вышла за него замуж? Это был договорной брак? Её продали? Украли? Говорил ли он ей ласковые слова? Почему-то мне не верится, что этого человека можно за что-то любить. Он равнодушен и холоден, как машина. Если б я была его женой – повесилась бы перед первой брачной ночью.

– Амир!

Я вздрагиваю. О, Господи, только не его отец. Меня начинает колотить от страха, только от одного голоса. Амир останавливается и поворачивается к нему. Я впервые замечая, насколько они похожи: черты лица, манера держаться, телосложение и даже голос. Почему я сразу не поняла?

– Мои ребята уведут её, отпусти, – равнодушно произносит отец Амира, будто говорит не обо мне, а о какой-то вещи, – сам пройди в дом.

«Нет»– молю мысленно я, – «никуда меня не уведут! Лучше уж я буду притворяться женой Амира, пусть хоть запрет меня в комнате, я как-нибудь найду потом способ убежать и спрятаться так, что меня никто не найдет. У Мирославы же удалось!»

– Нет, – просто произносит Амир, и я вдыхаю, – ей надо к врачу. Прости, вечером приеду.

– Оставь, говорю. Это теперь не твоя забота.

– Она все ещё мне жена. Поэтому это по-прежнему моя забота. – приподнимает брови Амир. Если бы я говорила с его отцом, то уже давно пицчала бы, как мышка, от его жёсткого голоса. Но тон Амира абсолютно ровный.

Отец Амира подходит к нам и я сжимаюсь на руках у мужчины.

– Она опозорила нашу семью, – резко произносит он, сверкнув глазами, – её закопать мало! Если не хватает духу избавиться от гулящей девки – я это сделаю. Найдём тебе нормальную жену, покорную и тихую.

– Я сам с ней разберусь. Хорошего вечера, отец.

Лицо мужчины мрачнеет, словно в душе у него поднимается буря, когда Амир разворачивается и уходит со мной на руках. Я лежу, ни жива ни мертва. Дом его отца, который мог бы стать мне тюрьмой, отдаляется и вскоре скрывается за оградой, оплетенной виноградными лозами.

Амир подходит к машине, возле которой дежурит Лысый. Можно сказать, я даже немного рада им. Кажется, у меня развивается Стокгольмский синдром.

Лысый открывает дверь, и меня сажают внутрь. Я пытаюсь откинуться на сиденье, охаю, потому что спину жжет, будто я ею по асфальту проехала, смотрю на запястье и понимаю, что ко всему прочему швы тоже разошлись.

Амир садится напротив, машина трогается. Я жду, когда он начнет высказывать мне все, что думает о моем побеге или угрожать... но он молча смотрит за окно. Это-то и пугает больше всего.

Но людей, от которых хотят избавиться, ведь не носят на руках? Только эта мысль немного снимает напряжение. Впрочем, следующая заставляет меня снова беспокойно ерзать по сиденью: есть и другие неприятные способы наказать человека за непослушание. Вряд ли

мне понравится, если сейчас из одного подвала я попаду в другой, пусть и Амир перенесет меня туда таким же способом.

– Не ерзай. Раздражает, – слышу я голос Амира, – и телефон сюда давай.

Чтоооо?!

Я опускаю взгляд вниз. Если пристально смотреть мне прямо в декольте, то, конечно, можно заметить серебристую полосочку гаджета.

– У меня нет телефона, – бормочу я, – Вы его разбили.

– И под майкой нет? Я могу проверить.

– Вы смотрели мне в вырез футболки? – с вызовом интересуюсь я, отчего Амир в ответ приподнимает иронично бровь.

– Да, смотрел. Если бы ты была в нормальной одежде – я бы ничего не увидел. Мирослава, доставай телефон.

Мирослава! Я с шумом втягиваю воздух сквозь зубы. Он продолжает играть роль! Зачем? Я бросаю взгляд за его спину – мы закрыты перегородкой от водителя – так почему он и без свидетелей называет меня именем своей сбежавшей жены?

– Вы знаете, что я не Мирослава, – произношу я, стараясь сделать голос твердым, – еще вчера вы это выяснили, иначе бы действительно убили Володю! Он мне все рассказал! Зачем вы меня называете этим именем?!

Я замолкаю, потому что Амир резко подается вперед, и его взгляд заставляет меня напрячься.

– Ты рассказываешь мне, что в очередной раз сбежала к другому мужчине? Ты в своём уме?

– Боже... – я закрываю лицо руками, – вы хоть понимаете, что я не могу так жить?! Я чувствую себя сумасшедшей! Вы все знаете! Зачем вы продолжаете притворяться? Вы разрушили мою жизнь, перевернули все вверх дном и пытаетесь заставить меня поверить, что я другой человек!

Амир молчит и я убираю руки с лица. Он продолжает сверлить меня нехорошим взглядом, от которого у меня бегает мурашки – я понимаю, что злю его этими вопросами.

– Скажите, для чего вам это, – устало прошу я, – я просто хотя бы буду знать. Мне некуда идти, если хотите – я буду няней для вашего малыша, он мне нравится. На публике я даже могу сыграть вашу жену. Мы можем договориться, как нормальные люди, вы просто будете платить мне деньги за работу...

– Еще одно слово и я заставлю тебя замолчать, Мирослава, – холодно осекает меня Амир, – ты говоришь сейчас полную чушь.

– Ненавижу вас. Просто ненавижу. Вы самый настоящий садист.

Он криво усмехается.

– Твое право. Если хочешь выяснять отношения – делай это дома, – он склоняется еще ближе, и я инстинктивно отползаю назад, – мы обязательно поговорим, как только вернемся.

Сердце сжимает ледяная рука ужаса. Я точно поеду крышей. И мне осталось недолго – мы уже несемся по шоссе в сторону коттеджного поселка, где живет элита города, и где находится дом Амира, а стерлки на его часах неумолимо отсчитывают секунды до этого страшного момента.

Глава 18

Во дворе особняка я пытаюсь проскользнуть мимо Амира в дом, но он кладет тяжелую руку мне на плечо, останавливая.

– Куда?

– В комнату, – тихо бурчу я.

Хочу в комнату, чтобы запереться там. Самой. На замок. Подпереть дверь комодом и разговаривать с этим жутким человеком в щелку между косяком и дверным полотном. Может, получится договориться и найти компромисс.

– Я тебя ни секунду больше не оставлю одну, без присмотра, Мирослава, – произносит Амир, и я скриплю зубами.

– Спать и мыться я тоже буду под вашим присмотром?

– Прекрати мне “вы”-кать. Да, – он перекладывает ладонь, и подталкивает вперед, нажимая между лопаток, а я, задохнувшись от возмущения, послушно перебираю ногами, прихрамывая.

– Тогда я лучше покроюсь коркой грязи!

Пока мы идем к дому, я замечаю, как во дворе, возле кустов роз крутится большая лохматая кавказская овчарка. Полная задница, и у Амира есть охранная псина, которая точно откусит мне ноги, если я попытаюсь просто так улизнуть. Она провожает меня мрачным, немигающим взглядом, даже не виляя хвостом, пока мы поднимаемся по ступенькам.

– Я не хочу в подвал, – произношу обеспокоенно я, когда мы сворачиваем в другую сторону, не туда, где комната Мирославы, – послушайте, вы вообще обещали меня отвезти к врачу.

– Тебе не понравилось, как я тебя зашил?

– Нет. Шов разошелся.

Амир хмыкает.

– Это уже не мой косяк, а твой.

Мы поднимаемся по лестнице и Амир подводит меня к одной из комнат. Открывает дверь и заставляет зайти внутрь. Я растерянно осматриваюсь. Интерьер весь в темных тонах, отчего комната кажется мрачной.... наверное, под стать хозяину. До меня доходит всего лишь через несколько секунд, и я резко разворачиваюсь, врезавшись случайно в Амира и отскочив в сторону.

– Это ваша комната! Зачем вы меня сюда привели?! – восклицаю я, глядя, как в ответ уголок губ Амира едва приподнимается.

– В ванну иди.

– Зачем?

– Опять много вопросов, Мирослава. Учти, в этот раз я не дам тебе сидеть в ванне в одежде.

– Я. Помоюсь. Сама, – твердо произношу я. Его непрекращаемый тон давит, вынуждает сдаться и послушаться, но я знаю – стоит мне покориться, дать сейчас слабину, и он меня просто начнет ломать под себя. Я позабуду о своем настоящем имени, прошлом, будущем и буду покорно играть роль жены. Очень просто пойти с собой на компромисс, сказав “сейчас я сделаю то, что он просит, и, может, он сжалится...”. Нет, не сжалится.

– У тебя спина разодрана, – спокойно произносит Амир, будто бы все мои протесты всего лишь забавная сцена, не стоящая внимания, – там могут быть осколки или грязь.

– Ничего. Выйдут с гноем!

Он неожиданно усмехается, прищурившись. Потом кладет руки мне на плечи, и смотрит внимательно на меня, а в темных глазах зажигаются странные искры.

– Да, характером ты слабо похожа на Мирославу, – произносит неожиданно он, а я роняю на пол челюсть, пока он продолжает, – ты не покорная, хитрая овца, а маленькая упрямая волчица.

Этот монстр действительно знает! Я не сошла с ума, и Вова не соврал! Он просто притворяется! Эта мысль оглушает, сковывает страхом, потому что значит только одно – я ему для чего-то нужна и просто так мне уйти у меня не выйдет. Все попытки доказать что-то тщетны. Ему это просто не нужно.

Он, воспользовавшись моей заминкой, внезапно берет майку на края и с треском разрывает ее, а я вскрикиваю, пытаюсь закрыться руками. Амир быстрым движением забирает Сашкин телефон и прячет его в карман.

– Я говорю – ты сразу же делаешь. Ты поняла? – продолжает он, как ни в чем не бывало, пока я судорожно пытаюсь собрать и свести края майки, и меня начинает снова колотить от страха, – тебе будет лучше. В противном случае – будет хуже, и ты это уже поняла.

– Зачем я вам? – шепчу я, – почему вы не хотите мне ничего рассказать? Я ведь буду все равно пытаться сбежать. Как только мне подвернется удобная ситуация – я попытаюсь.

– Тебе мало того, что случилось сегодня? Не поймаю тебя я – найдут другие. Или ты считаешь, что я буду постоянно закрывать глаза на твои побеги? Будешь слушаться – будешь в безопасности. Еще раз: ты идешь сейчас под душ, смывать кровь и грязь.

Я чувствую, как в носу начинает щипать, а к глазам подступают слезы.

– С вами – не пойду.

– Тогда я тебя раздену и затащу туда.

– Ненавижу вас, – повторяю я, – за то, что сломали мою обычную, спокойную жизнь.

– Ты сегодня вернулась в свою обычную, спокойную жизнь, – усмехается Амир, – и как? Помог тебе твой муж? – он выделяет это слово с неприкрытой неприязнью, и меня перерыва.

– Значит, вы следили за мной? – мрачно говорю я, – зачем? Зачем мне дали это увидеть?

– Чтобы меньше жила в иллюзиях. Тебе некуда бежать. Мне еще раз повторить, что ты сейчас идешь в душ?

С этим человеком бодаться бесполезно – все равно что рогами скалу двигать. Я не смогу ему противостоять. На его стороне физическая сила и власть, на моей – ничего, только сила духа, на которой я долго не продержусь.

– Я разденусь и пойду в душ при вас, но нижнее белье снимать не стану, – твердо говорю я, вспоминая притчу о сломанных прутиках и венике. Амир начинает меня ломать также постепенно и уверенно. Один из прутиков моей уверенности он уже сломал, – если попробуете заставить меня – буду кричать и отбиваться.

Он криво усмехается.

– Мне не нужна ты голой. Нравится мокнуть в белье – мокни. Тебе налево.

Я разворачиваюсь и на подгибающихся ногах плетусь в сторону ванной комнаты. Предстать перед этим человеком даже в нижнем белье мне страшно. Вдруг осмотр моих ран – это просто предлог? Что, если он решит, что и приказать мне спать с ним, если я так похожа на его жену – это нормально?

Больше всего мне страшно другое: неужели я в этот момент тоже произнесу "хорошо, я буду с вами делить постель, но..."? Сейчас или однажды... я не хочу сдаваться. Я не позволю ему подавить меня. Я хочу хотя бы помнить, что такое решимость противостоять, чтобы в нужный момент сказать "нет" и быть готовой бороться за свою правду.

Глава 19

В ванне я дрожащими руками снимаю остатки майки и бросаю ее на пол, заметив на ткани маленькие пятнышки крови.

Амира я чувствую спиной. Он заходит и закрывает дверь, идет мимо меня к душевой кабине и поворачивает там кран. Пока он регулирует воду, я снимаю с себя леггинсы, подавив в себе вопящую от безысходности и возмущения гордость. На коленках тоже мелкие кровоточащие царапины.

Хочется схватить полотенце и завернуться в него. Поэтому я некоторое время стою, прикрывшись руками, пытаюсь вернуть себе решимость, чтобы сдвинуться, наконец, с места. Да я ни перед кем не показывалась в белье, кроме мужа. Даже перед подругами стеснялась.

Амир поворачивается ко мне. Его взгляд задумчиво скользит по моему телу – сверху вниз.

– Так и будешь стоять? – мы пересекаемся в этот момент взглядами, и я вздрагиваю. Мне страшно.

– Нет, – выдавливаю я.

Я иду мимо него, и становлюсь в душевую кабинку. Амир берет меня за плечо, разворачивает спиной к себе, пока теплые струи воды льются мне на голову и стекают вниз, смывая кровь и грязь. Под ногами вода окрашивается в серо-розовый цвет.

За спиной я слышу, как Амир что-то тихо и резко произносит. Язык мне незнаком, но монстр явно чем то недоволен.

Он дотрагивается до спины, и я задерживаю дыхание. Пальцы мужчины кажутся мне горячее, чем вода. Ощупывает меня он грубо, с тщательностью хирурга, быстро – и, судя по вспыхивающей резкой боли, не пропускает ни одну ранку. Вся спина превращается в пожарище, и я тихо всхлипываю.

– Не ной, – резко произносит Амир, услышав, как я шмыгаю носом, – царапины, быстро заживут. Смываешь сейчас грязь и идешь к ребёнку. Занимаешься с ним до вечера. Все, что надо попросишь у прислуги. Никакой болтовни.

– Вы меня когда-нибудь отпустите? – интересуюсь тихо я. И слышу смешок.

– С чего мне тебя отпускать?

– Если вы найдёте свою жену... настоящую. Зачем я тогда буду нужна вам?

Он убирает молча руку и я замираю, ожидая ответ. Не дождавшись, осторожно оглядываюсь. Амир кривит губы в усмешке.

– Предположим, найду. А зачем мне гулящая баба? – произносит он и в голосе сквозит ирония, будто он распинается перед какой-то тупицей, объясняя очевидные вещи, – как найду, так и потеряется снова.

Я вспоминаю о том, что нужно дышать только спустя полминуты после его последней фразы.

– Намекаете на то, что убьете мать вашего ребёнка?

– Я не намекаю. Еще вопросы есть?

Садист чертов. Но в ту же секунду у меня перед глазами всплывает тот вечер, холодный ветер, плачущий от страха ребёнок, и покрытые мурашками голые ручки. Может ли хороший человек бросить посреди улицы кроху? Нет, но... она всегда будет единственной матерью ребенку, и этот монстр без души хочет слишком уж радикально решить ее судьбу.

– Вы не можете оставить меня играть роль жены на всю жизнь. Я на это не соглашусь, – я проглатываю свой вопрос и быстро задаю другой.

– И что тебя не устраивает?

– Вы серьезно? Это не моя жизнь. Я хочу работать, выйти замуж и завести детей, – произношу я, и, глядя, как Амир приподнимает бровь, быстро добавляю, – не с вами, конечно же. Сидеть в золотой клетке в мои планы не входило.

– Придется поменять планы. Твой муж продал тебя мне. Очень дешево, кстати, – смеется тихо и зло Амир, а я, шикнув, разворачиваюсь и с грохотом задвигаю дверь душевой кабинки. Бесит! Сквозь матовое стекло я вижу только неясные очертания этого монстра.

– И за сколько же, интересно мне знать, от меня продал? – цежу я сквозь зубы.

– Двести тысяч, Маргари-та, – насмешливо отвечает Амир, – так он тебя оценил. Животное можно купить дороже.

Двести тысяч?! Как мерзко. Я в шоке выдыхаю, чувствуя себя окончательно униженной. Двести тысяч за то, чтобы молчать, забыть о том, что можно обратиться в полицию и написать заявление о пропаже. Господи, он мог бы сказать мне сегодня “давай уедем, Рита. Скроемся где-нибудь, денег на первое время хватит”. Но он предпочел отметить... Отметить, черт побери, развод!!!

Мы оба простые люди. У нас нет такой власти, как у Амира. Открыто противостоять ему глупо. Но неужели у Володи не нашлось даже простых, человеческих качеств? Преданности, верности, в конце концов...

– Меня нельзя продать, – зло говорю я, – так что все, что вы делаете – незаконно.

– Мне плевать на закон. Все в мире покупается и продается. Хватит там торчать, вылезай.

– Высушу вещи – вылезу! Оценили товар? Оставьте теперь меня одну!

– Заштопаешь себя тогда сама, – в голосе Амира снова появляется холод, но мне все равно. Плевать! Я не буду покорной овечкой, – у тебя есть десять минут.

– Эй! – произношу я, глядя, как фигура разворачивается и уходит, – я не успею высушить вещи! Вы... да и иди ты, – тихо бормочу я, когда дверь закрывается, – нашелся тут царь и бог.

Я закрываю тут же кран, отодвигаю дверцу душа и выхожу, подбирая с пола вещи. Осторожно прислушиваюсь, а потом иду на цыпочках к окну.

Поворачиваю ручку, открываю, заглядываю вниз и фыркаю:

– Да чтоб тебя...

Пёс прекращает копошиться в земле под окном и поднимает морду.

– Гав, – отвечает он мне глухо и злобно. Похоже, он будет только рад, если я сейчас спущусь. С таким же глухим урчанием обглодает мне кости.

Да и не спущусь я, второй этаж, как-никак. Высунувшись наполовину из окна, я осматриваю двор и территорию за забором. Меня никто не увидит, даже если я буду кричать, привлекая внимание. Все вокруг засажено высокими деревьями. На заборе камеры видеонаблюдения.

Прекрасно, я в тюрьме. Спасибо, дорогой муж за такую судьбу, не ожидала от тебя предательства. Как Мирослава смогла вырваться? С ребенком это в разы сложнее.

Дверь позади с щелчком ручки открывается, и я поворачиваюсь. В ванную заходит Амир, и я быстро прижимаю к груди вещи, прикрывшись, пока он направляется ко мне.

– Голова закружилась, – нахожу я мгновенно оправдание, – подышала воздухом.

Он молча подходит, выдирает из рук футболку с леггинсами и швыряет их за окно. Я, пораженно смотрю, как мои вещи планируют вниз.

– Вы... гад, – выдавливаю я, а он хватая меня за запястье. Спустя секунду я чувствую прикосновение чего-то холодного к пальцу и опускаю взгляд. Моя ладошка тонет в широкой ладони Амира, а на безымянном пальце переливается драгоценными камнями массивное кольцо. Господи, оно же стоит целое состояние.

– Твои вещи принесут через пять минут, жена, – насмешливо произносит Амир, – запомни, девочка: твоя золотая клетка может быть удобной и просторной, если будешь послушна. Наш разговор забудь. Для всех ты – Мирослава.

Супер. С замужеством, Рита! Только поменяла ты не только фамилию, но и имя по прихоти мужа. Я мрачно и устало смотрю на него.

– Хотите сказать, что я на нее похожа? И никто ничего не заподозрит?

Он обводит меня взглядом – медленно, оценивающе.

– Похожа, – произносит он, – красилась она только ярко.

– Я не умею краситься.

– Научись, – небрежно произносит Амир, – кольцо не вздумай снимать. Спишь сегодня здесь.

– В ванной? – приподнимаю бровь я.

– В комнате. Даже если я не вернусь до вечера – идешь в мою спальню, – припечатывает он, не оценив мой юмор.

Он уходит, оставив меня обдумывать его последние слова. Дыхание тревожно перехватывает. Он же... он же просто не хочет терять меня из виду, просто боится, что я ночью сбегу? Дай Бог, потому что от одной мысли, что он решил “консумировать” наш фальшивый брак сегодня ночью, меня начинает тошнить от страха.

Глава 20

Я нахожу в шкафчике ванны бинты, пластырь и перекись. Заливаю рану, и заматываю запястье и ладонь так, чтобы особо не тревожить рану. Вечером попрошу медицинские инструменты у Амира.

Тихий стук в дверь вынуждает меня прекратить трястись от плохих мыслей, быстро обмотаться полотенцем, и выйти в комнату. Я подхожу к двери и осторожно открываю её, выглянув в щелку.

– Одежда, – произносит незнакомая мне женщина. Её волосы собраны под тёмный платок, а пальцы на руках кажутся узловатыми – вероятно, она всю жизнь тяжело работала.

– Спасибо, – благодарю её я, забирая одежду и мягкую обувь, вроде тапочек, – а..

«... не подскажите, где тут детская?» – хочу спросить я, но она быстро разворачивается и уходит, даже не подняв взгляд. Какие-то тут совсем нелюдимые работницы.

Я закрываю дверь и осторожно приподнимаю одну из деталей одежды за краешек. Тяжёлая ткань скользит между пальцев. Опять платье. Длинное, тёмного, синего цвета, с рукавами в три четверти. И тёмное нижнее бельё. На одежде болтаются бирки, и я понимаю, что её выгнали не из шкафа жены Амира. По крайней мере, даже если оттуда, то все это ещё ни разу не ношеное.

Я переодеваюсь. Стою, сжимая свое бельё в руках, замечаю в комнате мусорку, и, вздохнув, швыряю белый лифчик и трусы в неё. Зачем держаться за свои вещи, если все равно не дадут их носить?

Я теперь вынуждена изображать арабскую принцессу и кавказскую пленницу в одном лице. А им леггинсы не положены, а значит и смысла нет в милом бесшовном бельишке.

Выхожу из комнаты, последний раз посмотрев на себя в зеркало, закрываю дверь и иду по пустым коридорам, пытаюсь вспомнить, где детская. Боже мой, как тут вообще Амир живёт? Неужели ему уютно в этом дворце? В доме должен быть слышен детский смех, а тут хоть кричи в одном конце дома – в другом тебя не услышат.

На комнату сына Амира я натыкаюсь совершенно случайно. Просто прохожу мимо двери и слышу тихое воркование, и следом – недовольный вопль ребёнка. Заворачиваю к двери, открываю её и вижу, как уже знакомая нянька пытается посадить малыша на горшок, а тот вырывается, протестуяще вопя и отталкивая женщину.

Она поворачивается на звук и тут же встаёт с колен, отпуская ребёнка.

– Не хочет? – стараюсь быть вежливой, интересуюсь я, – давайте я помогу?

Я замолкаю растерянно, потому что женщина с каменным лицом проходит мимо меня. Спустя секунду она закрывает дверь, оставив меня ошарашенно думать, что за идиотизм тут творится, а ребёнка – растерянно торчать возле горшка без штанишек.

– И вам хорошего дня... – скептически хмыкаю я. Подхожу к малышу, глажу его по голове, глядя в серьёзное личико, – прости, что пришлось уйти.

Он отводит взгляд и осторожно трогает вышивку на рукаве моего платья.

– Обнимемся? – предлагаю я ему, – хочешь, тебя обниму? Малыш? Или поиграем? Может, хочешь пить или кушать? – я задаю эти вопросы с паузами, и на каждый малыш робко мотает головой. На столике лежат книжки и фломастеры, которые я купила в Детском мире, и я с энтузиазмом хвастаюсь за них. Единственное приятное занятие тут – это занятия с ребёнком.

Я рисую солнышко, домики, животных, вожу ручкой малыша по альбомным листам, пихаю кусочки мозаики в книжках, и неожиданно понимаю одну простую вещь, глядя, как ребёнок пытается неуверенно за мной повторять: он, похоже, впервые занимается подобным.

– Боже, малыш... – вырывается у меня, – как же вы играли с мамой? – он в ответ робко мне улыбается, и, будто застеснявшись, опускает глазки в пол. На первый взгляд у малыша

вроде бы нет неврологических проблем. А я начинаю подозревать, что эта странная Мирослава просто плюнула на него, абсолютно им не занимаясь. Он просто почти ничего не умеет!

– Не переживай, – подавив желание выбежать в коридор и заорать, выплеснув всю злость на эту женщину, я беру малыша за ручку. Он смотрит на меня уже увереннее, и снова улыбается, – мы с тобой все наверстаем. Да?

– Да... – тихо повторяет он., а мне охота расплакаться. Врагу бы не пожелала в два года узнать, что такое родительское равнодушие. Этот чертов Амир тоже хорош. У него ребёнок вернулся, а он куда-то отчалил.

Мы играем до самого вечера. Я уже могу с уверенностью сказать – это очень любознательный и умный малыш, просто действительно многое для него в новинку. Может, он действительно принимает меня за маму, а может, просто цепляется за человека, который хотя бы просто похож на его мать, но под конец дня малыш становится веселее и увереннее выражает эмоции, что-то лепечет на птичьем языке.

Нашу идиллию прерывает стук в дверь. Спустя мгновение она открывается. На пороге появляется та же самая молчаливая нянька. Сухие, тонкие губы поджаты недовольно.

– Уже вечер, пора спать, – произносит неожиданно она, а я пожимаю плечами.

– Я знаю. Прекрасно. Мы через пять минут уже ложимся.

– Я уложу и накормлю его. Амир Ринатович просил вас дождаться его возвращения у него в комнате.

«А бедный малыш даже попросить ничего не может...»

– Ребенок уже поел и искупался. Я сегодня сплю тут! – отрезаю я, обнимая малыша, который доверчиво жмётся ко мне и зевает. Нянька впервые поднимает взгляд и прожигает меня им. Ух. Грозная женщина.

– Амир Ринатович сказал, чтобы вы спали в его комнате, – повторяет она таким тоном, будто хочет откусить мне голову.

У меня перехватывает дыхание. Мало мне этого Амира, так ещё и все остальные решили, что могут помыкать мною, как хотят?

– А я сказала, что сплю сегодня тут! Если он чем-то будет недоволен – он может прийти и сказать мне об этом! – сквозь зубы шиплю я. Тонкие губы поджимаются вообще в едва заметную ниточку, но мне плевать, – видите, что малыш тревожится? Я обязательно расскажу Амиру, что вы хотели заставить ребёнка переживать, засыпая без матери, если сейчас же не уйдёте!

Тётка разворачивается и уходит, закрыв дверь. Фыркнув ей в спину, я переодеваю малыша в пижаму, которую нашла в комоде, обнимаю и укладываю в кровать. Потом вспоминаю, что хотела дать ему попить перед сном.

– Погоди секундочку, – произношу я и убегаю в соседнюю комнатку. Там есть детский столик, холодильник и чайник с водой. Наливаю немного воды в кружку, возвращаюсь и вижу, как малыш уже лежит с закрытыми глазами и размеренно дышит.

Видимо, ему хватило потрясений за эти два дня с головой. Я уношу кружку обратно и принимаюсь бродить по комнате, все рассматривая, перебирая вещи, пытаюсь понять, как тут жили раньше. Родители не скупилась ребенку на игрушки, но большинство из них выглядят слишком новыми... будто бы ими и не играли.

Я открываю шкафчики, нахожу в комоде рюкзачок, раскрываю его и достаю свидетельство о рождении. Тимур. Тимка, Тимошка. Ему подходит это имя. Почему-то мне кажется, что малыша так назвала Мирослава – имя кажется мне ласковым, Амир наверняка бы выбрал более резкое... может, я ошибаюсь. Следом выпадает та самая записка, и я кручу её в руках. Просто лист бумаги. Никаких опознавательных знаков.

В ящике лежат документы, которые я быстро просматриваю. Плановые осмотры, взвешивания, прививки, УЗИ. В самом низу лежит альбом «Мой первый год», который я с трудом вытаскиваю, и, с замирающим сердцем раскрываю.

– О, Боже, – вырывается у меня. Я едва не роняю альбом из рук, и в этот момент дверь открывается.

Я скидываю голову. На пороге стоит Амир.

Глава 21

– Посмотрела? – усмехается он и заходит в комнату. Я снова пораженно смотрю в альбом, на фотографию. Первую фотографию с малышом и его матерью.

Не могу поверить! Я в очередной раз чувствую, будто схожу с ума – на фотографии я. Те же длинные волосы с рыжим отливом, светлые брови, такой же нос, губы и глаза, да даже дурацкая ямочка на одной щеке – и та есть!

– Не может быть... – бормочу я, переставая хоть что-то понимать. Я думала, мы с Мирославой всего лишь похожи. Однако, женщина в зеленом платье на фото, которая держит на руках сверток с малышом – моя копия. Я растерянно поднимаю взгляд на Амира.

– Вы говорили, что мы похожи. Да мы просто одно лицо!

Он молча идет к кровати, где спит малыш. Садится рядом с ним, и осторожно проводит ладонью по темным волосам. Я даже замолкаю, не решаясь прервать такой момент и рассматриваю белые шрамы на смуглой коже руки. Это поразительный контраст – такой огромный и суровый мужчина рядом с маленьким, спящим крохой.

– Что тебя удивляет? – приподняв иронично бровь, наконец смотрит в мою сторону Амир.

– Люди не могут быть настолько похожи. И потише говорите, малыш спит. Это что, какое-то спланированное похищение? – я листаю альбом, и перед глазами мелькают фото. Тимур, Тимур, вот снова он с матерью – она уже накрашена так, как я никогда не красилась, но сходство очевидно. Месяц ребенку, два, три... на четвертом месяце фото неожиданно кончаются и дальше идут незаполненные листы. Похоже, Мирославе просто наскучило вести альбом, и я с хлопком закрываю его.

– Не пойму, это фотошоп? Бред какой-то. Фотоколлаж?

– Может быть, вы сестры? Они иногда бывают похожи.

Я вскидываю голову. Возмущенно втягиваю воздух и яростно шепчу:

– Смешно! Вы издеваетесь?! Глупая шутка.

– Я редко шучу, – Амир поднимается, прекращая гладить малыша. Мне становится зябко – темные глаза смотрят на меня со снисходительностью и иронией. Будто бы этого монстра забавляют мои метания. Мужчина неспешно подходит к комоду, открывает один из ящичков и что-то ищет там. Достает темный прямоугольник и швыряет мне. Я едва успеваю его поймать, и едва не роняю альбом.

– Это что?

– Паспорт твой.

– Мой вы порвали, – фыркаю я, открывая документ, – это паспорт Мирославы. Хотите убедить меня, что она существует? – я пробегаю глазами по строчкам, – вы издеваетесь, спрашиваю вас? У нее день рождения в один день со мной.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.